ИРИНА
МОСКВИНА

ДЕМОНОЛОГИЯ НАШЕГО РАЙОНА

«Великолепный, роскошный,
сногсшибательный дебют,
читать обязательно!»
Владислав Толстов

нецензурную брань • Содержит • 18+

Ирина Москвина

Демонология нашего района

«Эксмо»
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Москвина И. Ю.

Демонология нашего района / И. Ю. Москвина — «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118021-8

Проза Ирины Москвиной похожа на живую птицу, залетевшую в жилую комнату. Ей тесно пространство привычных вещей и интерьеров, она пробует на прочность (и раскладывает на части) самые привычные образы повседневной жизни. превращая даже домашнего (а уж тем более бродячего) кота в объект искусства и исследования. А, например, жизнь стареющей романтической квартиросъемщицы – в раблезианскую сказку о потерянной женщине в вечном поиске любви. Стиль Москвиной практически и есть сюжет и само вещество ее произведений. Тот исключительный случай, когда «как» неотъемлемо от «что». И даже осень в городе кажется частью лета.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118021-8

© Москвина И. Ю., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Направо пойдешь 6
Причитанья северного края 6
1 6
2 7
3 10
4 10
5 10
6 13
7 13
8 13
9 13
10 14
11 14
12 15
13 15
14 15
15 16
Райские яблочки 17
Полиэтиленовый пакетик – душа картофельного мешка 22
Наниматель Анна 24
Живое пиво 40
А мы еще чего-то хотим от людей 41
Попробуйте печеночный тортик 42
Чудотворство 50
Что-то еще 51
Электрик Александр 54
Чертежи Жерве 56
1. Илюша 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Ирина Юрьевна Москвина
Демонология нашего района

© Москвина И., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Направо пойдешь

Причитанья северного края

Елене Сунцовой

1

Причитанья северного края спального района, кольцевого маршрута, углового подъезда, торцевой квартиры. Ранний сумрак, разверстый гололед, далекий фонарь, круглосуточный гипермаркет. Отступив от широкой проезжей части, шарят по гололеду, как потерявший ключи пьяный, сгорбившиеся неряшливые кусты. Где не гололед и не кусты, там лужа. Ветрам вольготно лететь сквозь эти просторы, взметая людей и мусор. Гоня людей, в ореоле мусора, все вдаль и вдаль: проспект Художников, улица Композиторов, Поэтический бульвар. Проспект Культуры, проспект Просвещения. Есенина, Кустодиева, Луначарского, Науки. О, эти страшные (для тех, кто понимает) названия! Ужасная Пражская, пугающая Будапештская. И вовсе уж какой-то невыразимый проспект Наставников. Бульвары Сиреневый и Серебристый, один другого жутче. Куда ты по ним пойдешь, что ты найдешь? О, усталый прохожий обоего пола в мокрых до колен, изжеванных лужами джинсах, изъеденных солью ботинках. В исхлестанном стихиями черном пуховике. Хищные улицы и проспекты плотоядно и зло ухватывают тебя за ноги, за руки, замедляют ход, затрудняют движение. И окраинная, конечная, как крушение всех надежд, улица Жени Егоровой. Тоже, как и крушение надежд, таящая в себе последнее лукавство, недостижимую ложь: кольцо маршруток. Они тускло светят окошками на фоне сплошной холодной тьмы, на фоне невнятной стройки, на фоне более темного, чем темнота, переплетения балок и надрывно изогнутой арматуры. Это иллюзия. Последняя, безнадежная, прекрасная, бессмысленная иллюзия. Достаточно, провлекшись гололедом, подойти поближе и, прищурившись, прочесть маршрут этих маршруток: Науки, Просвещения, Есенина, Художников, Композиторов. Поэтический. Сиреневый. Культуры. Все, это тупик, и круг замкнулся и выхода нет. Ничего больше нет и не может быть. И уж не будет.

Есть только один выход, точнее, не совсем выход, конечно. Вариант действий внутри сложившихся (закольцевавшихся кольцом маршрутки) обстоятельств. Этот вариант, эти варианты представлены широко за счет развитой инфраструктуры района.

Вот крыльцо (первый этаж, «кораблик», двушка, переведенная в нежилой фонд), лесенка. Взойди по ней, и будет тебе Салон Красоты. Выйди оттуда загорелой, с коррекцией бровей, мелированием, наращиванием ногтей и нейл-артом, выйди с пирсингом, татуировкой, перманентным макияжем, ботоксом, выйди с лазерной эпиляцией и ламинированием оставшегося, неэпилированного, выйди с карвингом, афроплетением и биозавивкой, выйди на крылечко, уверенно ступая ногою на шпильке и скрытой платформе, пленительно поводя бедром в синих джинсах, мечтательно дыша упакованной в пуш-ап грудью под черным пуховиком. И теперь ты обязательно встретишь Его. Вот он уже идет навстречу, спешит, твой суженый-ряженый, в синие джинсы наряженный, в синие джинсы и черный пуховик, внезапно освещаемый промелькнувшими фарами пятнисто, как березовая роща на картине Куинджи «Освещенная солнцем березовая роща». Ты узнаешь его из тысячи (таких же, в синих джинсах и черных пуховиках), и это прекрасно, потому что all you need is love, особенно здесь, где тьма, и тьма, и шпильки скользят по гололеду, и злой ветер развивает и хлещет по лицу карвингом и биозавивкой. А кроме «здесь» ничего больше нет и не может быть. Поэтому надо идти дальше,

скользя, мимо кустов, по новой лесенке, на другое крылечко (сто тридцать седьмая серия, панелька, трешка, переведенная в нежилой фонд), в ювелирный салон. А потом – в салон для новобрачных «Офелия», за самым красивым, самым дорогим, белым и пышным платьем. А потом в ресторан, «Токио» или «Васаби», или еще какой-нибудь (район хорош развитой инфраструктурой). Потом надо жить с родителями, долго жить с чьими-нибудь родителями. Долгие, семейные, зимние вечера, с четырьмя и более черными пуховиками, висящими в коридоре на вешалке. Возможно, дети. Нет, невозможно, пока невозможно. Наконец, когда-нибудь, свершилось! Своя квартира. Вот тут-то и начинается жизнь наконец-то, пробудившись, начинается жизнь. Вокруг все так же пролегает маршрут маршруток, вокруг тьма Культуры, Науки, Художников и Просвещения, и огромная, как история людских заблуждений, неиссыхаемая лужа поперек Поэтического бульвара, от детсадика до авторемонта, кусты, ветер, гололед, гипермаркет, ночь, аптека, еще одна аптека, дороже, но круглосуточная, фонарь, еще фонарь. Но все это уже не важно. Важно другое. Теперь мы смотрим на все это из окна. Из всех маршрутов мы возвращаемся сюда, доползаем, сбросив шпильки в соляных заломах и черный пуховик в коридоре, вытряхнув мусор и дождь из карвинга, смотрим свысока в черное, заботливо выставляющее между нами и тьмой наш же темный силуэт окно.

2

В одном городе, на одной улице, на одном этаже в одной квартире у одной девушки жила одна кошка. А девушке хотелось не одну кошку, а двух. А муж у нее был хороший человек, добрый был, высокий и красивый, рукастый, ногастый, в смысле бывший спортсмен, головастый, в смысле без пяти минут научный работник, и вообще, как мужчина он был ого-го, и заботливый, пылинки с нее сдувал, идеал, сидел за шкафом, семечки лузгал и писал диссерацию, абсолютный идеал, но только был он тиран и деспот. И никак вторую кошку девушке не разрешал. А первая кошка, которая единственная, у них была кот. И все девушка и так и сяк его просила, мол, кошку бы к тому коту. И на рассвете просила и на закате тоже, и ласкою и со слезой, и другие девушки так у мужей шубу выпрашивают, как эта кошку, но в принципе кошка-то ведь шуба и есть. Но ведь не только! Это еще и сердце, любящее кошачье сердце, и грация, и красота, и беспредельность в каждом жесте. И если вот две кошки, то сколько у них на двоих наступит жестов, сколько беспредельностей! В одной-то квартире. А квартира большая, хорошая, новая, дом кирпичный, престижный, этаж восьмой, подойдешь к окну, глянешь – все кораблики окрестные дома да кораблики, ну иногда пятьсот четвертая серия. Даже если сто тридцать седьмая. Все равно она отстой и панелька. Но там тоже живут люди. У них белье на балконах и что-то там в кухнях (семь метров). А у нас девять с половиной. У нас арка из кухни в гостиную, как в Европе. И если целоваться с кем-то в кухне, то это можно просечь из спальни. Как, а вот так: происходящее в кухне через арку видно в гостиной, и отражается в окнах застекленного балкона, каковой балкон выступает из стены вперед, и отражаемое в его стеклах можно увидать из спальни, пусть и смутно. Увидать, как кто-то смутно целуется в кухне. Мы не будем этого делать. Нам не хочется страстей, нам хочется комфорта. Мы столько жили со страстями без комфорта, что пришла пора зажить наоборот. Без всякой второй кошки. Вторую кошку заведешь, так уже не поехать никуда, одну-то еще можно пристроить кому-то на время, а двух? Они будут драться, они нам всю квариру разнесут. Так говорил муж, сидя за шкафом над диссертацией и миской сплюнутой шелухи от семечек, точнее, не говорил, а думал. Думал, что животное в доме должно быть одно. Точнее, говорил. Говорил – одно, а сделал другое! А сам завел себе там паучка за шкафом. Завел, прикормил, вот такой паучок, здоровенный, ноги длинные, мохнатые, ползет по диссертации, гостинчика ищет. Муж ему там гостинчик оставляет. Паучок обленился, паутину не плетет уже, только старую проверяет, гостинчиком сыт. Это же от бывших хозяев паучок, клялся муж, я его просто пощадил при

ремонте. Пощадил, прикормил, полюбил. Но не завел, не завел, совсем не завел, он уже был. А сам между тем летом, когда девушка в отпуск уезжала, завел каких-то животных в манной крупе! Ты что, может, скажешь, что я и призрак дедушки завел! Животные в крупе сами завелись. От времени. И призрак дедушки так же. В квартире (большой, хорошей, дом кирпичный и т. п.) жили бабушка с дедушкой. Дедушка был бабушкин папа. Это было давно, двадцать лет назад. И у них не было мамы, был зато бабушкин муж. А потом раз, в один год дедушка умер, а бабушка развелась с мужем, натурально в один год (смотрели документы в ЖЭКе), мы, когда покупали у них, там был уже другой муж. А от дедушки (умершего папы) ничего не осталось, только люминал в домашней аптечке, двадцатилетней давности, только веронал и димедрол, и письменный стол, за которым он когда-то писал диссертацию, и научные статьи, и труды, труды и дни, и целая научная школа, что-то такое с горно-инженерным уклоном, и бабушка, кстати, тоже там писала диссертацию, и первый ее муж, изгнанный, писал по психологии, как и девушкин муж, какое совпадение, надо же. Жан Пиаже «Генезис числа у ребенка» и Веккер «Психические процессы» у них как стояли в шкафчике в сортире, так мы и оставили. А стол поставили за шкаф, этот благодатный для диссертаций стол. Бабушка с новым (пятнадцатилетней давности) мужем уехали, все-все вывезли до последней досочки, лампочки выкрутили, кроме стола и трудов и дней Жана Пиаже, и еще аптечки и призрака дедушки. Призрак дедушки поначалу был невредный, добрый был, слегка растерянный, бесплотный, ахал, охал, шуршал и шебуршал. При ремонте подворовывал по мелочи, так – валик, рулетку, потом вздыхал и подкидывал обратно, уже на другое место. Потом бабушка спохватилась, приехала, забрала аптечку, и тут уже дедушка пошел вразнос. Топал, хлопал, ухал, бродил, особенно ночью, очень полюбил ощупывать лица спящих. Потрескивал, тренькал, подгорал еду на кухне. Это она аптечку-то увезла с наркотой, вот он, бедный, и шарахался. Они помучились с ним таким, а потом им посоветовали – заведите кошку. Очень помогает от призраков либо кошка, либо всю квартиру освятить по фен-шую батюшкой. Кому что ближе в плане воззрений. Девушка тогда полазила на всяких форумах в Интернете, где бездомных котов ловят, лечат и раздают, и взяли они одну кошку, кота, которого до этого другие люди подобрали, а еще до того – третьи люди выкинули. Кот оказался – золото, глаза зеленые, бока мохнатые, мурлычет, ест сухой корм. Исправно ходит в лоток. И дедушкин призрак, точно, поутих, воровать почти перестал, стал незаметным, совсем не буйным. И все б хорошо, жить теперь да поживать, ходить из кухни в гостиную через арку, как в Европе, читать в сортире Жана Пиаже, писать диссертацию, гладить паучка и наблюдать за котом. Но нет. Но девушка, она как на эти сайты про помощь бездомным котам залезла, так все вылезти и не могла. Помешалась на них, короче (не хотелось бы этого говорить). Оказалось, что есть такое движение, специальные кошковые волонтеры. Они бродят по родному городу с пакетом сухого корма, их взгляд расфокусирован и мысли витают, но стоит им заметить мелькнувший где-то край бездомной кошки, нуждающейся в помощи (а все бездомные кошки нуждаются в помощи), как глаза волонтера загораются фанатичным блеском, он группируется, собирается и уверенно настигает кошку горстью сухого корма. Прикормленная кошка отлавливается. И с этой минуты волонтер превращается в куратора. У каждого куратора на попечении от одной до бесконечного множества кошек. Кошкам ищется передержка (у куратора обычно дом изобилует собственными кошками), ищутся будущие хозяева. Но до этого кошку надо глистогонить, надо лечить, надо стерилизовать, надо платить за передержку. На все это собираются деньги через Интернет, через знакомых, через фонды. Очень много денег уходит на каждую кошку. А мир набит бездомными кошками, калечными, увечными, с выколотыми глазами, сломанными лапами, отъеденными хвостами, обмороженными ушами, выжженными носами, кошками, которых топили, давили, выкидывали, взрывали фейерверками и рвали напополам, кошками с панлейкопенией, кальцивирозом и ринотрахеитом, с вот такими глистами, с лишаем, и всех этих кошек надо спасти, немедленно спасти, иначе станет еще хуже, и все время рождаются новые кошки, уличные, никому не нужные, мрущие и

страдающие, и мир скоро лопнет от них по швам. Если не спасут волонтеры и не подсуетятся кураторы. И вот, бывает, всей галактикой скинулись, вылечили труднейшую кошку, спасли, пристроили, уф, но уже пять следующих калечатся и увечатся аккурат в соседнем дворе. Тут некогда передохнуть ни на минуту, и на это либо надо класть жизнь, либо забыть, не смотреть, бежать прочь как можно быстрее и дальше. Сердце, сердце, как тебя унять. Когда они так и валятся на тебя со своими страданиями в режиме онлайн, все новые и новые, и такие же, ты знаешь, погибающие или могущие погибнуть, прямо в соседнем дворе, в твоем дворе, глянька в окно. В окне все кораблики и кораблики, дальше пятьсот четвертая серия, и между корабликом и пятьсот четвертой серией идет кот. Он красив, он миниатюрен. Наверное, он кошка. Он шествует мимо детской площадки, останавливается, принимается играть с веточками осенних кустиков. Он такой самодостаточный. Придет зима, морозы тридцать градусов, его никто не пустит в подъезд, кто-то пустит, а другой кто-то выгонит, и он погибнет. Его замуруют в подвале, отравят крысиным ядом, собьют машиной, съедят собакой. Если его не взять домой. Вот он тот, который наш, дома, ему хорошо. Он теплый, у него хвост. Он спит, он проснулся, потягивается. Его теперь не съедят, не разорвут. Он теперь ест сухой корм. Исправно ходит в лоток. Пользуется когтеточкой. Сердце мое. А тот погибнет в муках. Что же делать. Смотри какой, ну давай возьмем. Никакой второй кошки. А больные дети, а умирающие взрослые, а старики? Что тебя зациклило на этих котах? А домашний, проживший насыщенную творческую жизнь дедушка, умерший своей смертью? Что это была за смерть, ты знаешь? И что с ним стало потом? Почему он все ходит, все шуршит, все не успокаивается без люминала, все ворует рулетку и подгорает обед? Все приходит ощупывать наши лица, пока мы спим, все, видно, хочет нащупать чье-то другое лицо. Чье же. А ты говоришь коты. Забудь, абстрагируйся. Это жизнь. Или сойди с ума, побрейся налысо, облачись в рубище и броди на районе с пакетом вискаса, приманивай на него бродячих котов, лови, лечи и пристраивай. А я тебя приманю на бродячего кота, изловлю, пристрою в дурку, и пусть тебя лечат. Никакой второй кошки. Вот тебе одна, спасенная, радуйся. И где мой паучок, кстати, что-то его давно не видно. Небось кот съел. Коты известные паучкоеды. А ты говоришь второго. Жалко паучка-то. Паучка жалко, он был мохноног, быстр, радовался гостинчику, приходил, а теперь уж не приходит. Теперь приходят только призрак дедушки и ихтиандр. Дедушка тихий, шарится и шарахается, тщится нащупать чье-то лицо, скучает без люминала, существует невидимкой. Ихтиандр локален. Ихтиандр приходит в кухонную раковину, точнее, выходит из кухонной раковины. Из фановой трубы. Он живет в стояке. Он клокочет там, в глубине, и извергается с бульканьем и фонтанчиками. Обиженно рокочет и нехотя втягивается обратно, чмокая. Надо менять стояк, всем двенадцати этажам, и все двенадцать этажей в едином порыве изготовились пустить в дом сантехника, пустить его в квартиру, допустить до стояка, разрешить ловить ихтиандра. Точнее, одиннадцать этажей. Только тетенька под ними, с седьмого, отказалась пустить сантехника. Она сказала, что недавно ставила кухню и у нее там все зашито. Что она не будет расшивать. Что лично ее все устраивает. И никто по закону не мог с ней ничего сделать. Ихтиандр продолжал приходить, и стала приходить и сама тетенька. Она, конечно, приходила не через раковину, она бы не смогла, это была очень толстая тетенька. Она звонила в дверь, длинными заполошными звонками, и кричала, что мы бегаем по ночам, после часа ночи, что она вызовет милицию, у нее от этого болит голова, ее бедная толстая голова со светлыми химическими завитыми кудельками буквально раскалывается. Что она живет тут со времен сотворения мира, т. е. сдачи дома, двадцать лет живет она здесь, и что-то еще. Что она не допустит. Тогда мы стали вечерами и ночами ходить совсем тихо, все тише и тише. Тише даже кота, который все-таки постукивал при ходьбе когтями. Так же тихо, как мохноногий паучок. И почти как призрак дедушки.

3

Во тьме, трамваем, сквозь мрак и атмосферные осадки, пешком, между лужей и гололедом, держась за кусты, ориентируясь на огни большого гипермаркета, вершить свой путь с Художников на Композиторов. Падать и вновь подниматься, и снова идти. Отважно! С детьми. Одергивая зажеванную дверью маршрутки полу черного пуховика. Дети пищат, нудят, плохо, невнимательно держатся за кусты, сползают с гололеда в лужу. Дети не хотят. А кто же хочет? Молчите, дети, молчите. Разве ваши родители хотели этого для себя или для вас? Он остался дома, остался на Художников, не пошел с нами, предоставил мне одной вести вас этим скользким путем. Остался лежать на диване, с котом, греясь, щекоча кота бородой по лицу. Он меня не любит, видимо, иначе никогда бы не оставил нас одних на этой дороге, ужасной дороге в направлении Композиторов. Молчите, дети, и сохните на ветру, мы идем в гости. Мы хотим праздника, хотим света, уюта, доброго разговора под нависшими потолками. Мы сейчас придем, мы идем правильно. Скоро уже завиднеется во тьме неизбежная, как крушение надежд, нужная нам улица Жени Егоровой. Вот она. Дошли. О счастье.

4

Стали ходить так тихо, как призрак дедушки, и в наступившей тишине услышали страшное: что любовь вся вышла. Что уже никто никому ничего. Натирать паркет, писать диссертацию, кормить паучка, ловить ихтиандра, спасать котов в режиме онлайн, хотеть второго кота, любить первого. Стали обожать кота наперегонки. Кот – дитя любви. Нашей. Он теплый, нежный, у него хвост. Гладили кота, осязали кота, ласкали кота и заботились о коте. И каждый при этом понимал, что вот, лаская кота, он таким образом признается в любви другому. Девушка мужу, а муж девушке. Муж сидел за шкафом, лузгал семечки, писал диссертацию, не разрешал второго кота, злой, бессердечный человек, глухой к чужим страданиям. Как такого любить? Девушка стояла у окна в спальне, видела, как в стеклах балкона через арку в гостиной отражается то, как никто ни с кем не целуется в кухне, видела далеко внизу двор, со следами пребывания бездомных, неспасенных, балансирующих на грани небытия котов, видела отражение себя, изящной, загадочной, а толку-то? Никогда не подойдет, не обнимет. Кота не разрешает. Вчера говорю, мне грустно, а он: клоуна, что ли, позвать? Никогда не подойдет, не обнимет, думал муж, ожесточенно сплевывая шелуху в миску рядом с диссертацией, нежно гладя кота. Кот урчал, вытягивался, жмурил инопланетные глаза, кот был прекрасен, любящ и любим. Кот примирял, смирял и умиротворял. Потом кот шел к девушке, запрыгивал на подоконник, терся, урчал, муркал, обещал, объяснял, смирял. Оба, и муж и девушка, понимали, что любви нет, но приходил кот, по которому было отчетливо видно, что кот есть любовь, их любовь, что любовь ушла, но никуда не делась, вот она, муркает и просится на ручки, и они бросались наперегонки обожать кота. Пока гладишь кота, любовь твоя с тобой, под твоими руками. Вот же она.

5

Когда въехали сюда, с коляской, ребенком, банкой шпрот, кошкой, сумкой и двумя чемоданами, я села на эти чемоданы и расплакалась. Еще был чай в пакетиках. А потом ничего, попривыкли. Здесь жила бабушка. Она умерла? Нет, не умерла, ее дети увезли в Италию. Но, конечно, проще представить, что умерла. А здесь, кроме пианино, были пачки газет, шесть утюгов, девять дуршлагов, двенадцать штопоров и три мотка пожелтевшей, уныло поникшей бельевой веревки. Как интересно. Да, интересно. Сидели, ели шпроты из банки, пили чай из

пакетика, и я плакала. Мелкий тоже плакал. Утюги спрятали, газеты вот они. А штопором, смотри, вот как раз одним из тех сейчас и открывали. О. Дети, не трогайте пианино! Нет, ничего, можно. Главное, чтоб она себе крышку не уронила на пальцы. Слышала, что говорит тетя Наташа? Не роняй крышку на пальцы. Мне-то нельзя, а тебе еще? Спасибо. И сыра? Спасибо. Тетя Наташа встает, осторожно, ведя живот впереди себя, идет в кухню за сыром. Ее тень робко бредет за ней, по старым обоям в безысходный цветочек. Дети, насладившись пианино, полезли под кровать и что-то не возвращаются. Дети, вы там? Там, доносится откуда-то издалека.

Наташа возвращается, с животом и сыром.

За черным блестящим стеклом страшно, неистово молчит всею своей налившейся тьмой улица Жени Егоровой.

Мне кажется, он меня больше не любит. Мне тоже кажется, что он тоже меня больше не любит.

Уехал в мастерскую, на Петроградку, и все не возвращается. Там ехать-то! Говорит, занят. Пробки.

Отправил нас одних, добирались с Художников до Композиторов. Не забуду этот путь. Сам остался дома, с котом. Никогда никуда с нами не пойдет!

Здесь не ночует. А я одна! И в поликлинику одна, и в садик. Все одна с ним. А он только звонит: я сегодня на Подрезова. Конечно, в мастерской лучше, чем дома.

Но как же быть, как же быть?

Еще? Еще.

А ведь еще надо проделать обратный путь! Выйти, выдраться как-то из темных глубин улицы Жени Егоровой, таща воющих детей, дойти до кольца маршруток, не скользнув по гололеду им прямо под колеса, найти нужный маршрут. И ехать, напряженно вперившись в страшную, одинаковую, лишенную примет, как космос, тьму, мучительно пытаясь определить: это уже Художников? Или еще Композиторов? И вовремя затормозить, раздраить маршруткин люк, отважно выпихнуть в образовавшийся открытый космос себя и детей.

Еще? Еще.

А дети все не возвращаются из-под кровати. Дети, вы там? Там, доносится оттуда, но как будто бы гораздо слабее и из большего далека, чем в первый раз.

Звонит Наташин Миша. Я задерживаюсь, я на улице Подрезова.

Тот, второй, не звонит. И трубку не берет. То ли спит, с кошкою на сердце, то ли что.

Звонит Миша. Я на Подковырова, задерживаюсь, по делам.

А дети все еще не вернулись из-под кровати!

Еще, спрашивает Наташа? И сыру?

Ах, Наташа, до сыру ли сейчас! И часто твой так, уходит так надолго под кровать? Или задерживается на Подковырова?

Бывает, неопределенно кивает Наташа. Один раз на целых три дня. Потом вылез весь в пыли, загадочный. Там вообще-то инструменты в сумке. Он бы рассказал, да еще не умеет. Те, двое других, мальчик и девочка, умеют, но они не отвечают. Не возвращаются из-под кровати и не отвечают.

Тот, на Художников, с кошкой, тоже не отвечает.

Звонит Миша, кричит слабо и отдаленно, как воздухоплаватель: я на улице Плуталова! Задержусь! А потом на Иссс… И все, и только шипение, и молчание.

Кошка проходит по клавишам, проиграв мимоходом собачий вальс, т. е. кошачий, скромно ворует сыр.

Дети не отзываются! А если там, под кроватью, тайный ход прямиком в кромешную тьму Жени Егоровой? И они не вернутся! Шагнут, и их поглотит черное, ледяное, вращающееся кольцом маршруток пространство Композиторов, Просвещения, Науки? Совсем одних,

маленьких, невысоких, теплых детей? Никогда не вернутся, будут блуждать, одинокие, от Есенина к Культуры, брести безнадежным Серебристым бульваром? Спотыкаясь на Подковырова, шарахаясь жутких силуэтов на Подрезова, плутая на Плуталова?

Да, говорит Наташа, но ведь когда-нибудь они все равно уйдут? И в большей или меньшей степени не вернутся. И их все равно тогда поглотит черное, ледяное, вращающееся кольцом маршруток?

Да, но не сейчас, не сейчас, пусть хотя бы не сейчас!

Звонит Миша, опять сквозь толщу, как воздухоплаватель. Я попал в аварию на Испытателей, кричит он. Кругом плач и стон и искалечено правое крыло. Пять машин пострадало. Кругом гайцы, осколки, и уже едет сквозь тьму «Скорая помощь». Я когда-нибудь вернусь, но еще не сейчас.

Миша истаивает в трубке. Уже не сейчас, но его еще нет. Наташе не до того, а мне еще. Хотя, конечно, нельзя, ради детей! Но ведь детей все равно нет. Дети ушли под кровать и не вернулись. Не тогда, когда они стали взрослыми, умными, выросшими, чужими, недетскими, обескураживающими, отдельными, а уже сейчас, слишком рано! Когда еще нет. Когда еще кажется, что нужно и возможно заслонить (улица Константина Заслонова) их собой, отгородить их от пожирающей темноты Жени Егоровой, встать меж ними и всепоглощающим ужасом Художников, Науки и Просвещения. Когда еще есть надежда и есть смысл, а не чужие какие-то взрослые и неприятные люди по поводу кровного родства вешают в вашей прихожей черные пуховики себя и своих друзей.

Подходит кошка, поевшая ворованного закусочного сыра, благостная, благодарная, хочет гладиться.

Гладить чужую кошку – это как слушать историю чужой любви. Это интересно, трогательно, захватывающе, приятно, интригующе. Это как то, что в народе называется «только секс». Физические ощущения абсолютно те же, как и со своей кошкой, но сердце зрит и протестует, и от этого странно и неловко. Хотя кошка ничем не хуже, а возможно, по качеству и отливу меха даже и лучше, а может, она и вовсе такая же – калибр, окрас, пушистость, повадки, густошерстность, бывают же совпадения! Но это чужая кошка, это другая любовь. Если дело, к примеру, происходит в сельской местности, на дачном участке (хотя, конечно, на улице Жени Егоровой сложно представить что-либо, происходящее за пределами Жени Егоровой, проще представить отсутствие чего бы то ни было), то вот вы едите сосиски-гриль, жаренные на мангале, а соседская кошка прыгает к вам через забор из крупноячеистой сетки-рабицы. И начинает попрошайничать. И вы кормить эту соседскую кошку, хвалите ее, сюсюкаете и тетешкаете, подвергаете ее нежности. Потом она, сытая и заглаженная, уходит снова через забор. Дальше вы снова пьете, снова дальше закусываете и вдруг, протрезвев и вытаращась, замечаете, что через участок по высокой ж/д насыпи, поросшей древними деревьями, в светлом вечернем сентябрьском, стынущем от первого холодка воздухе, по насыпи силуэтно, как в театре теней, движутся две фигуры – одна толстая с хим. завивкой, а вторая низкая, забегающая вперед, радостно размахивающая пушистым хвостом, преданная. И вы осознаете, что, несмотря на свой отлично обустроенный мангал и прекрасно продуманный гриль, вы тут ни при чем. Это другая, это чужая любовь, и как бы и чем бы вы ее ни кормили, вашей она не станет. И как бы хозяйка любви, тетенька с химической завивкой, тяпкой наперевес, с грудью и в лосинах, не пыталась избавиться от своей любви, выпихнуть ее подальше, из дому, за ж/д пути, на участок, к кромке леса, к другим людям, на подножный корм, любовь никуда не денется. Да, она отощает, оплешивеет, нахватается блох и глистов, привыкнет попрошайничать, христарадничать, тереться об ноги чужих людей и урчать под их руками, привыкнет благодарить за любую малость, потеряет ногу на неисповедимых железнодорожных путях, потеряет хвост, ухо, половину усов, потеряет многое жизненно важное, но все же продолжит существовать, продолжит просить кушать и погладить, на ручки.

6

Иногда, конечно, любовь перестает просить. Если, к примеру, оставить ее на земельном участке в с/д, садоводческом, товариществе на зиму, возле ж/д насыпи, где ее неминуемо переедет пригородный э/п, электропоезд, съедят бездомные собаки, съедят забравшиеся в дом за дармовыми соленьями-вареньями бомжи, съедят черви сомнения.

7

Хотя любовь не сомневается, не просит, не завидует, все переносит, всему надеется, все покрывает, не обижается, не рефлексирует. Если что, живет себе и живет в домике рядом с ж/д путями, мерзнет, голодает, выкусывает блох, питается, если повезет, мышами. А если не повезет, то и вовсе ничем.

8

Не исключено, что каждая, даже самая мало-мальская мимолетная любовь и есть какая-то кошка. Любовь невостребованная, непригодившаяся, подавленная волевым усилием в зародыше, приходит в мир котенком, умершим еще слепым, с пленкой на глазах, заболевшим, отринутым, утопленным. Супружеская любовь убивается с изощренной жестокостью, как печень залюбленной домашней кошки, которой помимо предписанного ветеринарами сухого корма обе стороны (эм и жо) суют друг от друга тайком содержащие соль и глаутомат натрия смертельные деликатесы.

Выкинутые с балконов, лестниц, сбежавшие в последнем порыве из форточек, перерезанные невзначай напополам стеклопакетами, исчезнувшие в пылу и пыли евроремонта, якобы испарившиеся в тот роковой момент, когда кто-то пошел перекурить на лестницу, кошки – это все, конечно, адюльтер, нежелание прелюбодействовать в сердце своем, непотворство инстинктам, или разовое потворство с последующим категорическим непотворством. Если кошечка на дачном садовом участке, брошенная на зиму, примерзла лапками, и ее разодрали и съели возрадовавшиеся брошенные же собаки – то, разумеется, речь идет о первой любви или о первом, тренировочном, супружестве. Но бывают и счастливые, благополучные, мирно толстеющие и ежедневно сносящие оглаживания и тисканья кошки в совершенно разлаживающихся, распадающихся, превращающихся в тлен семьях. А кошки в них живут и здравствуют, вот ведь какая штука, годами и десятилетиями.

9

Потому что кот есть любовь. Ест сухой корм. Исправно ходит в лоток. Не приносит нам никаких огорчений, а приносит одни только радости. Я вижу тебя, гладящего кота, на кухне, вижу твое отражение в кухне, отраженное через арку в стеклах выходящего из гостиной балкона, отраженного в окнах спальни. Ты отпустишь кота, уйдешь к себе за шкаф, в т. н. кабинет, грызть семечки и лузгать диссертацию, а я приду в кухню, доглажу кота, и это наше слияние в глажении кота, пусть и слегка рассредоточенное во времени, вполне зачтется за полноценный акт любви. К коту. Точнее друг к другу. Каждый из нас может, конечно, попробовать огладить другую сторону, но другая сторона, т. е. другой каждый, неминуемо зашипит и выпустит когти. Так что лучше и не связываться. Вот кот, он нежен, отзывчив, норковошубноморфен, незлопамятен, необидчив. Он в ответе за каждого из нас, кто его приручил, он единственный островок неминуемой радости в обстановке темной, вертящейся маршрутами, шумящей облез-

лыми древесными кронами, пузырящейся безбрежными лужами страшной улицы Художников. Т. е. проспекта. Проспект широк, длинен, кот хвостат, носат, любовь моя со мною, за окном страшно, дома не лучше, в кухне стоит мешок сухого корма премиум-класса, в коридоре на вешалке висят черные пуховики, дети ползают, идут в гости, уползают под кровать, вырастают, остаются, уходят, коты умирают, как умирает любовь, остаются, как любовь всегда остается. Как остается призрак дедушки, ощупывающий лица спящих, что-то нашаривающий, шаркающий, подгорающий обед, ворующий рулетку. Дедушка, зачем тебе рулетка?

10

Рулеткой, отвечает дедушка, я измеряю вход в Царствие Небесное. И неизменно понимаю, что он слишком низок и узок, мне не пройти. Т. к. я люблю бабушку, свою дочь, которая уехала отсюда, бросила меня одного, даже без люминала, на чужих людей, только из-за того, что я не любил ее мужа! И мужа того уж нет, он выгнан, он не пройдет, он продолжает ее любить, где-то в отдаленной перспективе, точнее, наоборот, в ретроспективе, продолжает ее любить и приходит сюда в виде паучка, шибко перебирает мохнатыми ногами, переворачивает страницы «Индивидуального развития человека и константности восприятия», карабкается, ждет гостинчика, избегает кота. Любовь земную невозможно протащить с собой в Царствие Небесное, слишком узок вход, слишком низко нависают своды.

11

Кое-чего до сих пор не можем друг другу простить! Как, например, в разгар ремонта, когда грузчики выгрузили шкаф и потом сборщик его собирал, кто-то бросил среди пыли и мешков с плитонитом, среди обойных рулонов, среди ужасных, остроугольных куч отбитого старообразного кафеля невзрачный полиэтиленовый пакетик, бросил кто-то из нас, а в пакетике-то были документы на всякую новую свежекупленную сюда технику и ключи от квартиры! И грузчики выгрузили и ушли, и собрал и ушел сборщик, и уже и мы собрались, вечером, ан выяснилось, что пакетик-то возьми да и пропади пропадом! И грузчики клялись под угрозой увольнения, и сборщик божился после предложения подкинуть тайком без оповещения начальства, и в общем все уверяли, что не брали, да и зачем, может, случайно, там и было-то непонятно что там, т. е. не было понятно что там, надо было очень пристально ковыряться среди этих мешков, рулонов, пыли, кафеля, среди этих руин, обломков чужого уюта, совершенно уже не идентифицируемого, чтобы определить, что именно в этом конкретно пакетике ключи и документы, а не пепел и прах, как в окружающих таких же. Но им вроде бы совершенно некогда было это определять – грузчики грузили, а сборщик собирал. А сами выкинуть не могли? Нет, выкинуть не могли. Могли забыть в камере хранения магазина «Пятерочка», куда ты бегал на нервной ремонтной почве за пивом, но тоже не могли. И потом зашли все проверили, нет, там не было. Мог, конечно, взять призрак дедушки, чтоб иметь свободу передвижения, но это на него не похоже, он обычно все отдавал. Да и никакой свободы он не поимел бы с этими ключами, они все равно были не от этой совсем квартиры! Они были от квартиры родителей, где мы жили на время ремонта. Поэтому и дедушке, и сборщику, и грузчикам никакого от них не было толку. И значит, кража, если это была кража, а что же еще, оказалась абсолютно напрасной и не принесла ничего, кроме горечи разочарования и крушения надежд. Но и на нашу долю тоже досталась горечь разочарования. Пакетик хоть и не нашли, но осадок остался. Пусть ключи были не от этой квартиры, пусть мы все равно поменяли замок, и родители наши тоже поменяли у себя замок, пусть это все совершенно очевидно и невероятно, и никто уже никуда не войдет посредством этих ключей, слишком узок и низок вход. Но все равно осталось какое-то чувство незащищенности, сквозящей за спиной безобразной, зияю-

щей дыры. Сквозь которую, несмотря на нашу арку, на кухню девять с половиной метров, на кирпичный дом, будто бы так и готов броситься, вторгнуться, повалить, загрызть, засвистеть в проломе страшный, темный, ветреный, расплывающийся лужами и облаками проспект Просвещения. И сколько ни выставляй в черном стекле свой силуэт, все равно не защититься, все равно не уберечься, все равно не уйти.

12

Все равно им там некуда идти, поэтому дети возвращаются из-под кровати. Пыльные, но живые и те же самые. В этот раз обошлось. Обошлось.

13

А со сборщиком-то она когда-то в юности училась в одном классе! Была любовь, даже, возможно, целовались и так далее. Сколько лет прошло, пятнадцать лет прошло, а он ее не забыл. А вот она его забыла и даже не узнала при встрече! Конечно, он изменился, тогда он был другим, не был сборщиком, например, но ведь и она изменилась. Вышла замуж, неоднократно, стала делать ремонт. Смотрела, как он там закручивает шурупы и устанавливает полки в шкаф, и ни капельки его не узнала. А такие были чувства! А он узнал, обиделся. Оскорбился. Попятил пакетик, решил как-нибудь открыть дверь ключами да и поговорить начистоту. Про любовь. Он же не знал, что ключи не от этой двери! Пришел, с топором за пазухой, по профессиональной привычке сборщика носить с собой всякий инструмент, а дверь и не открывается! Ключи не подходят. Вот так всегда. Он подергал-подергал, еще подергал и спустился вниз, стал ждать ее на лавочке, грея топор на груди и не подходящие ключи в кармане.

14

А девушка сидела на подоконнике, смотрела во двор, мечтала о других котах, гладила имеющегося. В окна плескалась тьма, там ездили по кругу маршрутки, дул ветер, брели, держась за кусты, чьи-то дети. Умирали в муках чьи-то любови в виде котов, а чьи-то не умирали. Это уж как повезет. И чтоб избежать лишней кошачей мучительной смертности, можно просто беречь свою любовь. Так она думала, глядя из окошка, а тем временем ее растолстевшая любовь спрыгнула с подоконника и, стуча когтями, пошла в лоток. В кухне выплеснулся с причмокиванием ихтиандр, этажом ниже собралась идти скандалить тетенька с кудельками. Тетенька любила бабушкиного второго мужа, он однажды сходил к ней одолжить соли, с тех пор она его любила. Он с тех пор не ходил к ней за солью, покупал вовремя свою, а она все любила его и любила, все приходила к нему ихтиандром, а он не замечал. А первый муж бабушки приходил к ней паучком, и она тоже на замечала. И сборщик, до сих пор любящий девушку, пришел к ней с топором, а она тоже не заметила. И оба, девушка и муж, приходили друг к другу кошкою. И много еще таких усатых, блохастых неразделенных любовей бродит во тьме от Культуры до Композиторов, улицей Кустодиева, горбатым, как после бомбежки, Поэтическим бульваром. Ветер развивает карвинг, дождь бьет по татуажу бровей, по черному пуховику, фары маршруток на мгновение озаряют соляные заломы на штанинах синих джинсов, и ничего вокруг, кроме безнадежных Науки и Просвещения, и абсолютного, конечного тупика Жени Егоровой, и кажется, что любовь прошла, что ее нет и никогда не было. И не будет.

15

Но любовь всегда приходит. Любовь не долготерпит, не милосердствует, она все ходит и ищет своего. Она придет ихтиандром в кухне, паучком за шкафом, призраком дедушки с пачкой люминала, самодостаточным котом с глистами и блохами, сборщиком мебели с неугасшими чувствами, она придет, она всегда приходит. И на лапах ее когти и паутина, и в руках ее рулетка, и за пазухой ее топор, и в кармане ее украденные, ни к одному замку не подходящие ключи. Она ничему не верит, ни на что не надеется, она неутомимо рыщет в просторной ветреной темноте Науки и Просвещения, и от нее не уйти. Даже если запереться в новой, чудесной квартире, даже если брести пешком в гости, уползти под кровать, разбиться на Испытателей, заблудиться на Плуталова. Даже если вырваться из круга маршрута маршруток, поехать на пригородном э/п по ж/д, ночью, на последней электричке поехать на дачу, даже там, переходя пути, увидишь метнувшийся на крылечко домика регулировщицы хвост и услышишь, как над чернеющей сельской местностью землей несется нечто нечленораздельное: «С третьей что-то там платформы туда-то по такому-то пути…» Но это все видимость, точнее, слышимость. На самом деле над платформой, путями, идущим спать машинистом, домиками, лесами, озером, насыпью раздается «Володя, курицу купи и постарайся, чтобы достаточно жирную!..» И мерцает окошком домик регулировщицы, очередной форпост любви, всегда приходящей.

Райские яблочки

Дачная, а точнее сельская, а еще точнее – огородная местность поднималась горами и стлалась долами. Вокруг грохотали и фырчали пригородные электропоезда, «поезд хррррдырррдырр проследрррррыр по третьему пути-ти-ти-ти…», раскатывалось эхо над пересеченной местностью, где на горах сверкали в лучах полуденного солнца пленки парников, а в долах неутомимо поворачивались над грядами увесистые, как мегалиты, обтянутые потрескивающим трикотажем зады местных жительниц. Спереди над трикотажным мегалитом низко нависал конгломерат наспех уложенных в лифчик грудей. Солнце нещадно пекло эти устойчивые и по-своему вполне эстетичные и даже разумные конструкции. Дождь изливался на их грядки, крыши и парники. Их дети и внуки ехали в гудящих электропоездах, их мужья гудели в поросших незабудками и чертополохом осыпающихся карьерах после рабочего дня, после трудного дня. Самым трудным (в каком-то смысле) и в каком-то смысле самым легким днем была пятница. Под вечер, перед закатной поливкой, женщины бродили полями и тропами, внимательно глядя под ноги, и искали себе мужей. Вечером пятницы почти никому из мужей не доставало сил добраться до дому, и они засыпали прямо там, где ими овладевала усталость. Тонкие комариные ноги, выдыхаемый спирт и ласковый вечерний воздух пытливо ощупывали их темные, украшенные морщинами лица. Женщины подтаскивали найденных мужей ближе к парадным, чтобы их можно было увидеть из окна, а сами отправлялись обратно на участок, на огород. Там ждали их незавершенные дела. В сумерках женщины возвращались. В глубине остывающей летней ночи под окнами пробуждались мужья и всходили по лестнице в квартиру, на супружеское ложе. Наутро всех снова ждала работа, а главное – ждал огород. Все, вся жизнь поселка в целом закручивалась и раскручивалась тоже вокруг огорода, вокруг этого понятия, его наличия, состояния и поддержания должной изобильности. Все остальное, мужья, дети, работа, жизнь и смерть, бытие и ничто, было лишь незначительными шагами в сторону, ответвлениями, побочными партиями. Как религиозный человек смиренно пережидает земную жизнь с ее соблазнами и суетой, прозревая, прищурившись, впереди жизнь вечную, так и жительницы поселка безропотно исполняли свой долг жен, матерей, любовниц, работниц и домохозяек, но душами и думами их полновластно владел лишь огород. Это было главной темой всех вечерних светских бесед на лавочке у песочницы, быстрых обменов важнейшей информацией при встрече у магазина или на остановке – заборы, насосы, парники, плодожорка, у кого что растет, а у кого не растет, как лучше поливать, удобрять, окучивать и опрыскивать. Росло у всех, в большей или меньшей степени, кому-то больше удавались помидоры, кто-то специализировался на кабачках, были укротительницы черной смородины и повелительницы крупной и усатой, как древний Велес, клубники. Многие, помимо основного плодомассива, баловались роскошными цветниками. На нескольких участках регулярно собирался выдающийся урожай яблок. Но вот именно яблочная тема являлась главной загадкой и поводом для бесконечных удивлений и обсуждений. Это было непостижимо и поразительно, но яблоки лучше всего родились на участке у одного мужчины, Аркадия. А ведь Аркадий был даже не местный! Аркадий был не местный, дачник, он жил в городе, а в поселок приезжал только летом, ну и еще весной и осенью, а зимой часто уезжал. Правда, зимой жизнь в поселке все равно останавливалась, зимой огород впадал в спячку, но дело не в этом. С Аркадием было что-то не так, не в плохом смысле, а просто от него веяло какой-то таинственностью. Почему-то, и почти все это чувствовали. Несколько лет назад Аркадий внезапно явился неведомо откуда и купил участок со склоненным забором, одичавшими бесплодными яблонями и горестно вздыбленным скелетом парника над высохшим прудиком. Хозяйка участка, рассыпавшаяся от времени старушка, не оставила родственников, а поскольку в поселке все были в большей или меньшей степени родственниками, все уже думали, как по справедливости распорядиться участком, кому дове-

рить твердой мозолистой рукой вести его из тьмы и хаоса запустения вперед, ввысь, к свету и цветению, плодоношению и конструктиву. И тут возник Аркадий, неведомый, общительный, с уютно лежащим на коленях животом и уютно лежащими на груди щеками, почему-то с гитарой в чехле, возник и принялся, засучив рукава на огромных ручищах, неутомимо созидать. Он реконструировал, т. е. практически воссоздал из праха и дом, и сортир, поставил изысканный, но крепкий забор, а на теплицы Аркадия приходили смотреть люди с других улиц, и даже однажды приехала семейная пара на мотоцикле с коляской из соседнего поселка, и муж зарисовывал чертежи в блокнотик, так остроумна, дерзка и удачна была инженерная мысль Аркадия в нелегком деле модернизации парников! И все остальное, весь быт и антураж участка, тоже постепенно наполнились вроде бы не такими уж значительными и важными на первый взгляд и по отдельности, но в целом производящими удивительное впечатление нововведениями. А главное – все, все зеленые насаждения и культурные посадки неудержимо пошли в рост. На смену смерти и запустению пришла жизнь, такая отчетливая и стремительная, что хотелось постоянно поглядывать за Аркадьев забор, убеждаться в торжестве жизни. Даже как будто бы рыбки заплавали во вновь исполненном водой пруду! По-хитрому протянутое электричество, отведенный от шланга рукав к душевой кабинке, флюгер на крыше, японский сад возле мангала – вроде бы все это встречалось и на других участках, и у соседей переливались, как в ботаническом саду или там эдеме, цветы всех оттенков и форм, и вились плющи, и плыли в июльском мареве светлые плитки дорожек, и блестели под теплыми дождями жирные толстомясые листы каких-то пальм, что ли, если не чего поэкзотичней, но у Аркадия все эти детали обретали совершенно новый, особенный смысл и даже облик. А может быть, дело было в личности самого Аркадия. Настолько он сам был необычным, особенно, конечно, в обстановке поселка, но и за вычетом поселковых реалий Аркадий был очень и очень непрост. Во-первых, он был очень высокий. Во-вторых, очень толстый. Конечно, это все полная фигня и совершенно не важно, кто там толстый, а кто худой, но что-то сразу цепляло уже в его облике, фигуре рыхлого гиганта, этакого засидевшегося сказочного богатыря, с вечно красным и распаренным, будто только что после баньки, лицом, готовым ежесекундно разложить на груди щеки счастливой сдобной улыбкой. Аркадий был редкостно доброжелателен и отзывчив. Не зря его всегда любили дети и бегали за ним шумной стайкой! Поселковые дети, правда, за ним не бегали, они бегали сами по себе, торчали на Окуневке или резались в карты, азартно плюясь, в кустах за песочницей, под аккомпанемент полифонии из мобильных телефонов, или расхаживали по главной улице, сомкнув ряды, мрачно раскрасив глаза (девочки), или чиня какой-нибудь зловонный мопед (пацаны), ну а мелочь ковырялась на качелях и лопухах. Так что этим детям, взраставшим сами как лопухи на обочинах родительских огородов, было не до Аркадия, но дети из его другой, городской, жизни, о которой он охотно рассказывал, любили его и вечно-то висели на его руках и большой спине. Тому была еще одна причина – Аркадий-то сочинял детские песни! Сочинял во множестве и сам пел под гитару, и это тоже было удивительно и необычно. Этакая ожирелая орясина, с вот такенными ручищами, берет гитарку и принимается, вибрируя затерявшимся в развале щек подбородком, километрами петь про котиков и резвых пони, скачущих по брусчатке города Детства. Про доносящийся с острова Детства ветерок, иногда задувающий в нашу взрослую жизнь и заставляющий разлетаться самолетиками скучные бумаги с наших серьезных взрослых столов. Про гигантские раковины, в которых дремлет попутный ветер когдатошних морей, про улиток и синиц, мчащиеся сквозь лето велосипеды и незабываемую, робкую и трогательную, первую любовь. Смешные девчонки с торчащими косичками, бескозырка старшего брата и шинель отца, жирафики и чижики-пыжики, веснушки и румяные щеки, бумажные кораблики в лужах и поднимающие в этих же лужах тучи искрящихся брызг чьи-то озорные ноги в резиновых сапогах на вырост, щенки и снежки, прыгалки и салки, медвежата и салазки, ялики и мостки, радуги и воздушные змеи, стрекозы и бубенчики – весь этот зверинец бесконечно извлекался толстыми Аркадьевыми пальцами

из гитарного чрева, и вдохновение, подобно парниковым газам, почти физически ощутимо поднималось в небеса от его влажных щек. Была даже мини-опера про Трех Поросят, с особенно проникновенной партией Нуф-Нуфа… Песни являлись ему сами, практически готовые, как будто какие-то голоса напевают их прямо из воздуха, доверчиво делился Аркадий с соседями. И ведь он всегда, практически с рождения, любил музыку, и, конечно, ею и надо было сразу заниматься всерьез, получать образование, но не сложилось, к сожалению. Чем только не занимался в жизни, и тем и другим. Раньше занимался ресторанным бизнесом, очень нравилось, еще в девяностые, потом тоже много чем занимался. Теперь вот тоже у Аркадия была очень интересная профессия – он, можно сказать, создавал миры! Да-да. Занимался ландшафтным дизайном. Тут и пригодились его знания о природе, растениях и минералах, которые он тоже всегда очень любил и давно изучал. И деньги приносит неплохие, и заказчики попадаются очень интересные люди. И главное, как это невероятно увлекательно, процесс созидания, соединения, перехода на иной качественный уровень, когда из ничего рождается нечто. Потрясающе. Чувствуешь себя буквально всемогущим! Вот, например, посмотрите на яблоки! И все послушно смотрели на яблоки, на которые, лучась гордостью из глубины щек, указывал Аркадий, впрочем, все и так регулярно смотрели на эти яблоки и без всяких указов. Яблоки были просто чудо. Такие огромные, сияющие, глянцевые – ровно такие же, как продают в городе в разгар зимы, импортные, выращенные на пестицидах и прочих ГМО, неполезные и даже отчасти ненастоящие. Но эти-то были настоящими! Они росли у всех на глазах, Аркадий ничего ни от кого не скрывал, никаких особых секретов, правда, уверял, что секретов-то и нет, но не скрывал. И даже более того – яблочки эти выросли на тех самых яблонях, которые все местные знали всю жизнь. С веточки, с худенького саженца. И яблони эти давно уже состарились, одичали, вышли из репродуктивного возраста, какая-то дрянь жрала их морщинистые листья, и тут вдруг бац! – появляется Аркадий, и яблони нежданно-негаданно принимаются приносить плоды, как не в себе, да какие плоды, и складывать их с отяжелевших ветвей к ногам вдохновенного Аркадия. И никакой при этом речи не идет о плодоношении раз в два года, каждый год! А возможно, лучится Аркадий щеками, возможно, я уговорю их плодоносить и два раза в год! Я работаю над этим… А в чем же все-таки секрет, ну в чем секрет, все допытываются у Аркадия местные жительницы, соседки, загорелые языческие праматери, скифские бабы в лосинах с тяпками наперевес, но Аркадий лукаво отводит взгляд. Глубина залегания грунтовых вод, бубнит он, компост, энтомофаги, содержание почвы в междурядьях плюс многие сорта яблонь с хорошим здоровым стволом при двух-трехкратном омоложении кроны могут продуктивно жить до восьмидесяти и более лет, ежегодная обрезка без применения укорачивания однолетних приростов путем перевода их на ветви с большим углом отхождения, расположенные ниже, прививка поросли от подвоя, установка подпор, черный пар и культурное задернение, перечисляет Аркадий, но каким-то образом, голосом, выражением лица, а может, движением толстых пальцев, дает понять, что это все не важно, главная хитрость не в этом. Так в чем же, в чем же, изнемогают соседки, алчно заглядываясь на прельстительно таящиеся в листах глянцевитые бока, и искуситель-Аркадий наконец сдается. Есть, кивает он, есть один секрет. Яблочки-то хотят, чтобы в них содержалось железо. Поэтому в почву надо добавлять железо. Феррум. Подкармливать корни железом. Поэтому, шепчет Аркадий, щеки его блестят, живот вздымается, и вздымаются над его головой под ветром листья и блестят под солнцем яблоки, поэтому я сразу же, как приехал сюда, закопал под корнями своих яблонек железо… Как, и это все? И только-то? – разочарованно переглядываются соседки. Будто они сами не в курсе про этот фокус с железом. Никакой феррум под корнями никогда в жизни не даст таких вот яблочек, никакая железяка, хоть весь окрестный металлолом закопай… Наверняка есть еще что-то. Ну есть, застенчиво признается Аркадий. Есть еще кое-что. Как говорится, есть одно «но». Ну?! Я им… пою, – шепчет Аркадий, таинственно расширяя свои потерянные внутри лица глазки. Вы им… что? Да, кивает Аркадий, кивает щеками, и брюхом, и головой. Они для меня как живые,

вот я с ними и разговариваю, и пою им! Я им говорю: ах вы мои хорошие, растете? Ну растите, растите большие и красивые. А потом беру гитару и пою им. Пою им про Остров Детства, про кораблики, про самолетики, про пароходики, про прыгалки и салазки, про котиков и стрекоз! Про классики! Про барашки волн! Пою им! Про резвого пони!! Какой к такой-то матери резвый пони, хотят сказать недоумевающие женщины, но вдруг, внезапно, будто вкусив от некоего тайного знания, они все понимают, прозрев. Они смотрят на толстого большого Аркадия, стоящего под яблоней, закинув голову. Ветер шевелит складки белой футболки Аркадия. Тоги? Туники? Хитона? Вокруг все цветет, растет, этот рост будто бы даже становится слышен. Кружат в небе какие-то прекрасные белые птицы (энтомофаги?). Распирая теплицу, глядят сквозь пленку заросли томатов «бычье сердце». Стелется усталая раскормленная клубника. Пахнет укроп, вьется ввысь горох, выстроились неукротимые строи картошки, подмигивает петрушка, нашептывает что-то красная смородина, дремлет черная, влюбленно поглядывает на крыжовник белая. Так вот оно что! А Аркадий прав, вот ведь как. Они все живые, в этом и секрет. В этом и тайна. А мы-то пытались командовать ими! Мы дергали их, и опрыскивали, и удобряли. Диктовали и приказывали. Хотели повелевать ими, как неодушевленными, как низшими. А надо было просто спеть. Аркадий, поэт, человек творчества, нашел ключ к их исполненным хлорофилла сердцам! Он кормит их железом, но не так, как мы, а осознанно, осуществляя высший смысл – он кормит их железом, ибо железо питает кровь. Профилактика анемии. У них такая же кровь, как и у нас! А вот мы не такие, как Аркадий. В нас нет божьей искры, мы не способны поэтически переосмыслить окружающее. Мы не думаем о вечном. Поэтому наша доля – это труд, вечный труд не разгибая спины, глазами в землю и пудовой кормой в лосинах к небесам. А вокруг Аркадия все растет само, плодоносит и колосится. Аркадий – волхв! Он возносит к небесам свои песни (про салочки, скакалочки, резвого пони), и небеса, благоволя, шлют его участку благодатный дождь и благословенное солнце! И яблоки на его яблонях – это просто-напросто райские яблочки, только и всего! Никакого секрета. Аркадий действительно стоит в своих райских кущах, на фоне японского садика, благостный, как сам Господь Бог, и радостно кивает соседкам. Да-да! Главное – это творчество. Это стихия музыки! Музыка облагораживает нас, творчество возносит нас ввысь, в небеса. Аркадию надо было сразу заниматься музыкой, не терять время на другие занятия. Ну ничего, ничего, он наверстает! Тем более что песни приходят к нему сами, уже готовые, будто кто-то шепчет, нашептывает. Я не могу, говорил Аркадий под яблоней, отягощенной плодами, не могу не петь. Они сами приходят ко мне. Я, может, и рад бы иногда не петь, но они приходят, они окружают меня, они заставляют себя петь! Толпятся вокруг. Я их чувствую…

Надо по-иному воспринимать жизнь, тогда и будет вдохновение, и райские яблочки, думают женщины. Но мы не можем. Нам кажется, что все это бред, если честно. Но яблоки-то есть! Да, яблоки есть, они висят, клоня ветви к земле, они отчетливы и убедительны. Но ведь не песенками же, в самом-то деле?… А чем же тогда? А яблоки висели, сияя… Женщины, еще раз взглянув на них, уходили, прощаясь с Аркадием, облитым закатным солнцем, покидали этот райский сад, затворяли за собой его калитку. Им надо было поливать, и закрывать, и искать мужей, и готовить ужин под томительный вой электричек, ибо каждому свое.

Каждому свое, бормотал под яблоней Аркадий, я чувствую, что музыка – это мое. Пусть от меня уже как будто бы шарахаются в некоторых студиях звукозаписи. Там, далеко, в городской жизни. Песни сами приходят ко мне. Я не могу их не петь. С тех пор как я удалился от дел, и поселился тут, и стал подкармливать яблони железом. Закопал под одной утюг, с налипшими остатками горелого мяса, а под другой – в нескольких местах ржавую от крови арматуру. А кто, кому было легко вести в девяностые годы ресторанный бизнес?! Не все сразу определяются со своим призванием, кого-то жизнь слегка поводит кружными путями. Они сами приходят, нашептывают, шелестят. И я должен их петь. И должен растить яблоки. Хоть так, шепчут они, хоть так, еще хоть на чуть-чуть осуществиться. Хоть капельку овеществиться.

Хоть так, хоть как угодно. Еще немножечко быть, еще попозже – совсем не быть. Подышать, погреться, побыть.

Полиэтиленовый пакетик – душа картофельного мешка
(городской романс)

Однажды мы видели, как достаточно высоко в небесах летел стремительно прозрачный полиэтиленовый пакетик. Гони`м ветрами. Типа тех, что в универсамах намотаны коллективной кишкой на такие бобины. Но этот был явно оторван от коллектива и от бобины, он летел один, одинок, прозрачен, почти не различим в вышине, выше верхних этажей, трепеща, являя сквозь себя небеса, и воздух, и солнце, и облака. Как соответственно антитеза несвободе и связанности. Мы решили тогда, что этот пакетик – он был когда-то другим. Он был когда-то огромным, грубым, заскорузлым мешком, мешочищем, из какой-то холстины, что ли, из которой всюду вылезают колючие, жесткие прямо щетины, нити. И в него, в этот мешочище, всю жизнь сваливали кривобокую подмороженную картошку, или еще что-то в этом духе, кормовую какую-нибудь брюкву, безнадежную, опухшую, с торчащими из нее жесткими одичалыми хвостами. Где-нибудь в совхозе Ручьи. За последней чертой, за чертой города, где лишь канавы, овраги, буераки, и иней на ресницах, и мерзлые комья земли, испускающие из себя безоглядные поля и гряды этой самой все брюквы, брюквы. Или картошки. Недобро косящей хаотичными глазка´ми. И вот это все всю жизнь впихивали в холщовый мешок, впихивали, транспортировали, швыряли, опорожняли, и мешок видел лишь сдавленную грядами черную землю и лишь склады, ангары, хранилища с тлетворным запахом. И иногда людей, опухших не менее брюквы. И лишь раздувался от всего этого, принимая уродливые брюквенные формы, и щетинился нитями, и расползался в швах, и изнашивался изнутри и на сгибах. И как-то раз, когда в него в очередной раз утрамбовывали сырую картошку на сырой земле, он порвался, и картошка хлынула из него бурыми сгустками. Таким образом, он умер. Его бросили там, в полях, на рядах гряд, взяли другой, новый мешок. А от этого, истерзанного, грязного, отделилась его душа, и воспарила ввысь в виде легкого прозрачного полиэтиленового пакетика. И полетела, полетела, все вперед и вверх, трепеща. Солнце светило сквозь него и тек воздух, и далеко была видна вся земля, с домами, парками, улицами и разными странами. Просматривались пальмы и пустыни, моря, корабли, мосты, пляжи, замки и концертные залы, стадионы, дороги, люди с детьми и без детей тоже, котики, цветущие каштаны, акации, карусели и лодочные станции, телебашни, войны и перевороты (в частности, переворот в Египте), памятники архитектуры, гей-парады, поля, овощехранилища, больницы, реки и горы, водопады и трамвайные пути. Просматривались окна домов в верхних этажах, мимо которых пролетал пакетик, виднелись за ними люди – едящие жареную картошку, любящие друг друга, ненавидящие, сидящие в креслах, сидящие в Интернете, постящие котиков. Виднелась жизнь, жизнь и биение ее пульса. Но пакетик несло все дальше, все прочь, он видел цельную картину (как Л. Толстой в период работы над произведением «Война и мир»), но нигде не мог задержаться, ни во что не имел возможности вглядеться – его все срывало вновь и подхватывало ветром и несло дальше, дальше, мимо и прочь. И ничто его не касалось, а если и касалось на минуту, то ветер тут же отрывал его от этого чего-то и снова нес прочь и дальше. И время спустя, и спустя несколько полных и спиралеобразных оборотов вокруг Земли почему-то даже опухшая хвостатая брюква перестала казаться такой страшной. Стала казаться просто явлением в ряду других явлений. Стало хотеться даже снова посмотреть на нее поближе, даже может потрогать, просто так, в порядке сентиментальности, ну просто что ли потрепать ее по хвосту. И пакетик спланировал вниз, к сырой земле, к уродливому знакомому брюквиному телу. Но не смог коснуться, притронуться, его снова подхватил ветер, закрутил и повлек все вверх, дальше, к солнцу и небесам, прочь и мимо. И так далее, и далее, и вновь по кругу и спиралеобразно. Потому что можно быть плотью, но намаешься и порвешься, а можно быть только и лететь

исключительно духовной жизнью, но тогда тебя гонят эфиры над землей и никому не нужен и нигде не присесть – вот и выбирай, вот и выбирай.

Наниматель Анна
(роман в письмах)

У нанимателя Анны был муж, которого никто не видел. Потом мужа не стало, но также в статусе невидимки. Возможно, его и вовсе не было. Однако Анна успела забеременеть и родить от него ребенка, пока он еще был (или не был?). Хотя мужа никто не видел, но зато его слышали: соседка снизу пожилая пенсионерка Нина Яковлевна. Нина Яковлевна слышала, как сверху в ночи стучала об их потолок кровать ножками. Стучала-стучала, а она думала: что это? А потом вспомнила, что ей же говорили, что там будут жить молодые. Хотя есть, конечно, такой вариант, что это Анна сама стучала ножками кровати. Ложноножками. Чтобы создать эффект присутствия. Но зачем? Но мало ли. Но столько странных людей, в чьих мотивах черт ногу сломит. Такие люди обычно закрыты и молчат, но не Анна. Анна говорила, очень активно и подробно говорила эсэмэсками. Дадим же слово Анне, а далее – как пойдет.

> «Здравствуйте! Я понятия не имею, смогу ли быть сегодня дома: у меня дети в разных местах, мне приходится курсировать. Старший, с поврежденным голеностопом, не то что квитанции в ящик не спустит, до домофона не допрыгает! Я сообщу Вам, когда опущу квитанции обратно в ящик (сегодня или завтра, все зависит от разных причин). Деньги будут сегодня переводом Вам на карту! Извините, но не хочу никакого ни с кем общения, по крайней мере, пока младшего не выпишут. А да, показания воды сдают до 25-го числа – так что, думаю, квитанций за апрель еще нет. Спасибо!»

Договор найма жилья был ими подписан в октябре две тысячи шестнадцатого, и до ноября того же года все было хорошо. Все было просто прекрасно, две маленькие, но отдельные комнатки и светлая кухня со свежим косметическим ремонтом, и чудесный, волшебный вид из окна: перекресток, а потом уходящая перспектива и еще один перекресток, и снова перспектива и перекресток и там, вдали, уже на исходе, на гребешке заворачиваюшегося мира последний малюсенький, еле различимый, игрушечный перекресточек! И всюду клены, клены, вот сразу под окном полощется большой, а дальше тоже мал мала меньше кленчики, и каждый, даже самый наималейший, старательно роняет багряный свой убор. Хороший тихий район. И вот так, казалось, так можно бы стоять часами, опершись о стол и завороженно глядя на череду перекрестков и перекресточков, и всегда там показывали разное и интересное: то пешеходы, то светофор, то проползет рогатый троллейбус (троллейбус, кстати, номер 13, идущий в направлении места проживания наймодателя, но это неважно), а то вообще авария! На самом последнем перекресточке, там, где земля уже почти закруглилась, свалены горсткой машинки и отдельно валяется крошечный сломанный мотоциклик со своими мятыми колесиками. Но – нет, оказалось, что только казалось! И что нельзя наблюдать, стоя, опершись, часами, потому что отчаянно дует по ногам и в поясницу со стороны коридора, от входной двери, сквозняк. Очень дешевую хлипкую входную дверь установил, как оказалось, экономный наймодатель, тонкую и ходящую буквально ходуном от любого дуновения, и вдобавок это дуновение сразу пропускающую в жилое помещение (именуемое в дальнейшем Жилье)! А Анна (именуемая в дальнейшем наниматель) не обратила на это внимания, отвлеченная чистыми бежевыми стенами, дешевенькой и не новой, но тоже старательно отмытой кухонькой, и ярким кафелем в совмещенном санузле, отвлеченная всеми этими перекрестками и кленами, и чистыми стеклопакетами (хотя об этом позже), и оброненным багряным убором отвлеченная. Багрецом и охрой, короче, отвел глаза коварный наймодатель нанимателю (в дальнейшем именуемому Анна), большие выпученные глаза серьезной тридцатичетырехлетней довольно-таки несимпатичной женщины, считающей себя довольно-таки красивой. А еще возможно, что дополни-

тельным отвлекающим моментом служила грядущая Аннина свадьба, не то что грядущая – а просто-таки стремительно несущаяся, как паровоз, и по-паровозному победоносно трубящая. Анна и паровоз – вообще классический сюжет. И до этого классического сюжета, до дня свадьбы, оставалась одна неделя, за которую нужно было уложиться снять квартиру, и не абы где, а именно в этом тихом районе и даже в пределах определенных улиц, обязательно рядом со школой с углубленным изучением китайского языка, потому что именно в эту школу ходил Аннин сын от первого брака. Так что тут был и сын, и предыдущий брак, и, соответственно, предыдущий муж, чего только не было у Анны к ее тридцати четырем годам: еще некоторый лишний вес, варикоз (грозящий тромбозом), купероз, птоз, россыпь разноразмерных пигментных невусов по всему телу и лицу активно, как пятна на леопарде, и при этом необыкновенно насыщенная личная, любовная жизнь, вот поди ж ты! И вообще жизнь, крайне насыщенная приключениями, как у героини авантюрного романа. Правда, про эту авантюрность выяснилось уже позже, когда миновал роковой ноябрь шестнадцатого года и миновал первый срок платить по счетам. В буквальном смысле слова – первую дату платежа по счетам за снятое жилье Анна просрочила совсем чуть-чуть, на несколько дней, и по вполне человеческой и уважительной причине – сын сломал ногу. Тот самый сын, изучавший китайский язык. Причем сломал он ее именно в школе, на переменке, когда, видимо, бедные дети, изнуренные ежедневным упихиванием в свои юные головы с только-только на самом деле заросшими родничками (пятый класс, а упихивать начали, как сейчас принято, прямо с первого), изнуренные ежедневным насильственным упихиванием в себя иероглифов, дети носились по рекреации с целью как-то встряхнуть загроможденные китайской грамотой организмы, проветрить немногие свободные пространства между шляпкой одного иероглифа и упирающимися в нее загогулистыми хвостами другого. Носились и кричали что-нибудь максимально лишенное смысла, максимально далекое от ненавистных, ненормально концентрированных сгустков смысла, когда любая, с виду невинная нарисованная на бумажке ажурная каракатичка может означать целые бездны, вроде «неторопливо ползущая вдоль притаившегося дракона наперерез крадущемуся тигру улитка на склоне». «Аааааа!!!!» – кричали дети и били друг друга ногами, и вот так вот Аннин сын и сломал ногу об какого-то другого ребенка. Об его, вероятно, твердый внутренний стержень, потому что без внутреннего стержня в такой сложной и престижной языковой спецшколе не выучишься. И теперь этот сын лежал обездвиженный дома почему-то у Анниной мамы, не почему-то, а потому что Анне нужно было ежедневно работать, ходить туда, и в перерывах бегать навещать сына, а муж ее тоже был на работе, и даже не просто на работе, а он был на сутках. Муж на сутках, это будет потом частое упоминание в ее протяжных, как осенняя тьма, эсэмэсках наймодателю, частое, но от этого не менее загадочное, кто же знает, что обозначает это «на сутках», оно, видимо, призвано, как тот иероглиф, обозначать кратко некоторые очень сложные обстоятельства времени действия. Или бездействия, ибо обычно этот иероглиф «на сутках» и вообще объясняющие эсэмэски появлялись спустя несколько дней после крайнего срока внесения арендной платы за месяц и при отсутствии ее внесения. Алгоритм был такой: наймодатель ждал этого крайнего срока, потом писал Анне сообщение, на которое Анна не отвечала. Далее наймодатель звонил Анне, Анна не брала трубку, но через несколько дней вывешивала, как простыню в темную осеннюю стынь, обширное сообщение с описанием всех своих необыкновенных и захватывающих приключений. Первой, так сказать, ласточкой, присевшей на бесконечною простыню Анниной эсэмэски, была та самая сломанная нога сына, но тогда еще никто ничего не понял. А вот уже дальше и случилось то самое страшное, изменившее и перечеркнувшее, случилась разъедающая обида на пустом месте.

И снова дадим слово Анне:

> «Хотела уточнить про окна: сифонит в обеих комнатах – муж вызывал знакомого мастера, по результатам: нужно менять резиновые прокладки; если установка была меньше 3-х лет назад (?), то это гарантийный ремонт, если

нет, то нам посоветовали самостоятельно их (резинки) отмыть и промазать силиконом – на следующей неделе мужа выпишут, и он этим займется, если не поможет, на фирме замена резиновых прокладок +спец смазка 2500 за окно, мы, конечно, постараемся обойтись своими силами, без затрат, но если не поможет, Вы, пожалуйста, подумайте, как Вам будет удобнее решать этот вопрос (зимой в дальней комнате на стекле образуется корка льда). На следующей неделе сообщу Вам о результатах. Спасибо».

«Евгений, добрый вечер. Окна мы отмыли, силиконом обработали, ждем эффекта до завтра. Хотя мой муж говорит, что резинки „стоптались“, поэтому, скорее всего, проделанная нами процедура особого эффекта не даст. Если так и будет, завтра он купит уплотнитель тонкий и попробует проклеить, если и это не поможет, то тогда, видимо, резинки нужно будет менять (?). Нам предложили 2000 за резинку и 500 за проклейку для нее, может, у Вас есть какие-то варианты? Дешевле? Гарантийный ремонт (до 3-х лет)? Муж готов сам их установить, безвозмездно. Есть вариант дешевле. И да, $ будут завтра – я думаю, Вы уже не удивлены, бухгалтерия берет 10 рабочих, а не календарных для начисления пособия. ((Как Вам удобно, я тогда завтра вечером Вам позвоню по результату манипуляций с уплотнителем, во сколько удобно?»

И про обиду-то тоже никто поначалу не понял, что, разумеется, только усугубило. А обида была. Обида была, но поди ты разбери на что: в ноябре наймодатель привлекся за первой ежемесячной мздой. Имел право по договору. Но! Но он не знал (не хотел знать, делал вид) про сквозняк из входной двери, мешающий обозревать из кухни перекресток с кленами, в багрец и золото одетые корпуса, и не знал, что Аннин муж, такой молодец, вернувшись с суток, сам устранил причину сквозняка, оббил вокруг двери поролончиком, потратил личное время, а также четыреста двадцать рублей собственных денег на поролон! Но и это еще не все, еще, усталый после суток и после подвига устранения сквозняка, муж с целью зарядить ноут, посмотреть ржаки на Ютубе, расслабиться, только воткнул зарядку в розетку, как из розетки посыпались искры! Сноп искр, фейерверк, и чуть ли не короткое замыкание. Коротыш. Ну т. е. коротыша не случилось, а все потому что муж опять (это после суток, после поролона) встал, сам взял отвертку и сам починил розетку! Один, сам, ночью. А все почему, потому что люди, ничего не стыдясь, сдают вот такие квартиры с такими розетками. А потом эти люди, точно так же не стыдясь и буквально глазом не моргнув, являются за арендной платой, и информацию про сквозняк и подвиг с поролоном выслушивают тоже совершенно индифферентно, а вот на просьбу возместить потраченные на поролон четыреста двадцать рублей тут же раскрывают кошелек и возмещают, но при этом состроив такую рожу! Не прямо рожу, но вот это такое спокойное лицо, демонстративно невозмутимое, а вот на слова «четыреста двадцать» этакое легкое поднятие брови, типа с невыразимым презрением, и на «двадцать» эту бровь дополнительно задержать над оправой очков, переглянуться со своей противной женой не женой (жена тоже что-то там изобразила физиономией), и сразу же в кошелек, а на чек даже не посмотрели, хотя Анна специально, конечно, сохранила чек. Типа, ну что вы, Анна, мы вам доверяем и, мол, какие пустяки. После этого, этой презрительной брови, Анна так растерялась, что даже не стала рассказывать про розетку. Потому что что толку, раз это такие люди. И главное, сразу, будто ничего и не произошло, стали переводить разговор на всякие посторонние темы, мол, а когда вы планируете оплатить свет-газ и прочую коммуналку? И вот – обида, такая большая обида за мужа и его обесцененные усилия, которая временно застила Анне все, даже огорчение за сына с его переломанной об иероглифы ногой. Но эта Аннина обида за мужа не шла ни в какое сравнение с обидой мужа за самого себя. Он при этой безобразной сцене в беже-

вом коридоре не присутствовал (иероглиф «на сутках»), а услышав от огорченной Анны, сначала как будто бы не придал значения, даже утешал Анну, мол, забей, ну такие это люди, без стыда и сердца. И Анна действительно вскоре почти успокоилась, а вот муж, наоборот, стал все больше задумываться. И вместе с задумчивостью все больше болела и воспалялась его обида. Причем (как уже потом, задним числом пыталась разобраться Анна), причем тут как-то в этой именно точке роковым образом сошлось все, все возможные причины и риски, а точнее, как ни удивительно, полное отсутствие и причин и рисков. Первое, это что действительно причины для обиды особой, положа руку на сердце, и не было (ну действительно же не было). Была, конечно, причина возненавидеть наймодателя и эту его не пойми зачем за компанию притащившуюся жену, это да, и их, конечно, с радостью и облегчением возненавидели, но! Но ненависть – это, как известно, энергия, это двигатель, это такой порыв свежего ветра в лицо, это скорость, в отличие от обиды. Обида же точит изнутри, обессиливает, разъедает, как ржа, обида губительна и даже зачастую смертельна для человека определенного склада. И даже более того, именно что человеком определенного склада и нужно быть, чтобы в полной мере ощутить все разрушительные последствия обиды и даже, изначально, чтобы ощутить и самое-то обиду. И вот тут возникает упомянутое во-вторых и вопрос рисков. Ибо риски были нулевые. Аннин муж, Алексей Такой-то, в договоре найма жилья вписанный в графу «проживающие лица», по ряду косвенных, а также прямых признаков абсолютно не входил в группу риска склонных обижаться. Это было ясно с первого взгляда каждому, кто хоть раз его видел. Правда, видели его далеко не все. Анна скрывала мужа, точнее, не совсем так – она старательно выставляла напоказ факт его наличия, при этом тщательно пряча ото всех его самого как личность. Или даже не личность, а скорее физическое тело, сгущенный в пространстве набор хромосом, генов, дающий на выходе заросшие буйными ресницами голубые глаза, курносый нос, аленькие, как цветочек, губки и блестящие, слегка дыбом кудри, и относительно широкие плечи относительно крайне узкой талии. Муж был (если вообще был, многие в этом сомневались), что называется, «хорошенький, как куколка», а еще он был бы прямо как Кен для Барби – если б можно было представить кого-нибудь менее похожего на Барби, чем Анна, с ее куперозом и невусами, и часто моргающими выпученными глазищами, которые таращились из-под скирды развешенных метелкой волос. Т. е., безусловно, была уважительная причина, почему Анна никому не показывает этого нового мужа, кроме своей мамы (но об этом дальше), а именно такая огромная разница во внешней степени привлекательности, или, допустим (долой оценочные суждения!) в референтных группах привлекательности, грубо говоря, на совместных фото она выглядела как его усталая толстая мать с огромным унылым носом, а он – хорошеньким и неумеренно юным, как Шелдон Купер из сериала «Теория большого взрыва» (для тех, кто понимает), если бы опять же не еще один момент. Очень интимный момент. Момент предыдущего мужа Анны. Который выглядел абсолютно так же, как этот нынешний, тот же типаж, и то же лицо, и если бы только лицо, а то же абсолютно все, этот вид (не линяющий лет до пятидесяти) дерзкого развращенного школьника, и такой же для школьника характерный набор интересов – машинки, мотоциклы, скорость, шашлыки, лес, походы, компьютерные игры, ветер в густых, не знакомых с алопецией кудрях! Где Анна брала их, таких одинаковых, хороший вопрос, а еще лучший вопрос, это чем она их брала. Как-то, видимо, она воздвигалась всей своей массой на их пути, расставив ноги (в хорошем смысле слова) и растопырив руки, и они, такие хорошенькие и бездумные на большой скорости на мотоциклике, врезались в нее, в ее пылкое и верное, любящее, преданное естество, и все – дело было сделано. Дальше был законный брак, Анна беременела, все. Ну а еще дальше следовал, разумеется, развод, но это же отдельная история, не имеющая никакого отношения к внешним данным, достаточно посмотреть статистически, сколько пленительных изящных красоток кукуют безрезультатно годами на сайтах знакомств, завуалировав в анкете ошибочного ребенка от первого брака, т. е. наоборот, да даже и не вуалируя и не имея никакого ребенка и никакого бывшего брака, про-

сто кукуют прекрасные, как мечта, сильные независимые женщины без единого брака в анамнезе долгие, долгие годы и далее всегда. В отличие от Анны, с ее общим имиджем и манерой поведения в жанре «снулая рыба». Значит, что-то все-таки было в ней, что-то независимое от внешних данных (дурацких), и от характера (унылого), какой-то, значит, горел в ней все-таки огонек. Возможно, это был тот самый огонек, фонарик на гибкой проволочке, торчащей изо лба, что горит на голове у глубоководной рыбы под названием «европейский удильщик», или же в просторечии «европейский морской черт», огромной зверюги ростом под метр восемьдесят (рост, кстати, совпадает), якобы праздно прохлаждающейся на дне, зарывшись в ил, но способной подкараулить добычу и в любой момент «подползти и даже „подпрыгнуть“ при помощи своих рукоподобных грудных плавников». И вот когда, раззявя рот и расслабившись, добыча, завороженная рассеянным солью океана светом далекого надлобного фонарика, облегченно выдыхает, уставившись на пульсирующий световой круг, удильщик в доли секунды открывает огромную, с выступающей вперед нижней челюстью и острыми крючковатыми зубами пасть и засасывает туда воду вместе с жертвой. Какая там жертва, неважно: мальчик, девочка. Что мальчик, это становится важным далее, потому что, вот такой очень важный момент, от этих своих одинаковых мужей Анна неизменно рожала таких же одинаковых мальчиков, неизменно – т. е. от обоих, мальчика и еще мальчика, одинаковых между собой и, соответственно, с этими мужьями. И вот, возможно, в этом-то и дело, в этом и суть и смысл и высокое предназначение – возможно, Аннина основная роль в ткани Мироздания была именно служить инкубатором для таких хорошеньких брюнетиков, воспроизводить их, чтобы ими не оскудел мир. Может, именно в такой Анне такие брюнетики вызревают эффективнее всего. И человек здесь лишь слепое орудие в руках решительно настроенной Судьбы, твердо намеренной сохранить популяцию. Это если брать высокий судьбообразующий уровень. Ну а внешне, на бытовом уровне, все это, конечно, выглядит как неумеренные, неконтролируемые сексуальные аппетиты к определенному физическому типажу, и люди наблюдают и чуть ли не пальцем показывают и заранее смеются. Так, например, смеялась Аннина мама, когда Анна привела к ней показать этого нового будущего мужа, мама, это Леша, мы будем с ним здесь жить. Смеялась, смеялась, а потом говорит: нет, здесь вы с Лешей жить не будете, потому что живы еще воспоминания, как еле-еле, с огромными трудами отсюда изгнали предыдущего такого же Сережу. Живите с Лешей хотя бы в другом месте. Раз уж обязательно нужно жить (видя Аннин горящий глаз над мощными челюстями под горящим опять же фонарем удильщика). И тут бы Анне проявить силу и настоять на своем, но она отчего-то (возможно, припомнив предыдущее проживание с мамой и бывшим Сережей), согласилась, повела себя как безвольная тряпка. Но тут же, выйдя на улицу и оглядев Лешу в рассеянном свете разнообразных фонарей, спохватилась, что хватит вести себя как безвольная тряпка! Повела себя как вольная тряпка и пошла, нашла и сняла ту самую квартиру. Под тем еще благовидным предлогом, что оттуда сыну будет совсем близко до школы, а раньше было совсем далеко. Но основное было, конечно, не это, как-то же сын отъездил предыдущие четыре года на двух видах трамвая в школу и не развалился, основным была предстоящая ровно через неделю свадьба Анны с Сережей номер два, т. е. с Лешей. И в эту свадьбу Анна была твердо намерена получить все, чего она достойна! И не получить ничего, чего она не достойна. По этим причинам все, чем в силу ряда причин была характерна ее первая свадьба: отсутствие белого пышного платья, банкетного зала, богатой, яростно отфотошопленной фотосессии, все это решительно отпадало. А главное – отпадала необходимость проводить первую брачную ночь в тягостных условиях мамы за стенкой. Нет, решила Анна, в этот раз в брачную ночь к маме поедет сын, а мы наконец-то с Сережей (ой, Лешей) поедем как люди в свою отдельную квартиру! Или пусть, конечно, не совсем свою, но снятую совершенно официально, через агентство, с договором найма, а значит, на период, пока действуют договор – считай свою! И весь тот короткий срок, что прошел с момента принятия эпохального решения и до сакральной брачной ночи (включительно), Анна была напряжена как струна, чтоб ни

за что не упустить ни одной малой мелочи, могущей представлять угрозу грядущему великому событию.

Анна

> «Евгений, здравствуйте, извините, что так поздно реагирую – мы все заболели (сопли, t) – все силы брошены, чтобы маленького не заразить – больше не до чего, к сожалению. (Понимаю, не Ваши трудности.) Про Ваше 28-е тоже помню: остаток за ноябрь переведу к этому времени, с жкх – постараюсь очень тоже. Спасибо. Извините».

> «Евгений, извините, пожалуйста, но сегодня $ не будет – никак не вырваться из „лазарета“, да и самой нехорошо, завтра какая-то часть будет точно – мне обещали привезти, остальное на неделе, по-другому не получается пока. Еще раз извините (наверное, я Вас очень подвожу)».

Именно поэтому в момент подписания договора Анна так дотошно изучала все документы купли-продажи на квартиру, а квартира была оказывается куплена вот только что, этим летом, и это очень смущало Анну, потому что мало ли, вдруг они ее только купили и сразу продали, мало ли на свете мошенников, и теперь не имеют права сдавать, и аккурат в разгар брачной ночи, в самый, что называется, ответственный момент в замке заскрежещет ключом ничего не подозревающий истинный владелец. Именно поэтому она погнала наймодателя в ближайший МФЦ за какой-то подтверждающей выпиской из архивной справки, а пока он бегал, тщательнейше изучила еще и паспорт его несимпатичной жены, справедливо рассудив, что если даже паспорт у наймодателя поддельный, специально для мошеннических сделок, то вряд ли кто-то пойдет так далеко и глубоко, что станет подделывать еще и паспорт, включая штамп о браке жены, не имеющей по документам никакого отношения к обладанию данной жилой площадью. Из изучения паспорта Анна сделала приятный вывод, что паспорт подлинный, а значит, вероятно, подлинный паспорт и у наймодателя и вообще, возможно, все остальные документы тоже не подложные, и вывод неприятный, заключающийся в том, что год рождения у жены наймодателя тот же, что и у Анны, но при этом гораздо более худые ноги. И жена эта тут же, как по заказу, не поленилась закрепить этот отрицательный эффект и высказалась в том духе, что, дескать, Анна, а покажите мне, пожалуйста, и вы свой паспорт, а то вот вы нас так изучаете прямо под микроскопом, а мало ли, покажите тоже, интересно. Хотя уж вот ее-то, не собственницы, какое было дело! И принялась чуть ли не носом рыться в Аннином паспорте, пролистнув и страничку с пропиской, и штампы о ребенке и браке, а потом, вернувшись к основной информации с годом рождения, внезапно прервала свою поисковую деятельность, чтобы мельком глянуть на Аннины ноги и тут же снова засунуться в паспорт, слегка улыбнувшись каким-то своим якобы мыслям. Стерва. Так что к тому моменту, как прибежал запыхавшийся в запотевших очках наймодатель со справкой, атмосфера уже была достаточно накалившейся, и оба присутствовавших агента по недвижимости явно нервничали, чувствуя, как из рук уплывает реальный куш. Но – обошлось. Собственно, в более спокойной обстановке Анна бы, наверное, все же не сдержалась, высказала бы все, что накипело, и гордо ушла, хлопнув дверью неснятой квартиры и оставив эту толпу (наймодатель, самка наймодателя плюс два агента) в двух маленьких комнатках самих расхлебывать, но тут дико нависало ограничение по времени. Надвигающийся трубящий паровоз свадьбы, свадебный поезд, как сказали бы на Руси (хотя при чем тут Русь, это всплывет далее, а пока подсказка: ни при чем), это раз, а два – это то, что квартирка была действительно чистая, отремонтированная, идеально расположенная для Анниных нужд и просили за нее совершенно адекватные деньги. И еще плюс – часть денег согласились ждать до конца календарного года, так называемый залог. Это было важно, денег, в связи со свадьбой, не было вообще, вот просто вообще, и Анна так сразу честно и объяснила, что, к сожалению, денег на залог пока нет, потому что будем гулять свадьбу. На

выражении «гулять свадьбу» взгляд самки наймодателя опять метнулся в направлении лица наймодателя, а взгляд наймодателя пробуксовал под очками и поднятой бровью, но все это уже было так медленно и вяло – просидевши-пробегавши за справкой, за изучением документов, за Аннинными сомнениями в общей сложности три с половиной часа – что уже не имело значения. За окнами уже опустилась тьма, скрыв прелестные перекресточки с опадающими кленами, а перед окнами, внутри, сгустилась духота, почему-то никто не догадался тогда их открыть, даже агенты, может быть, из суеверия, что чем хуже – тем лучше, а если еще и создать комфортную обстановку, то эта тягомотина и вовсе никогда не закончится, и последние решающие подписи уже ставили торопясь, устало моргая и таращась, не только Анна, вытаращенная от природы, а и все. Уже никого не занимал этот невнесенный залог, и даже то, что не был предъявлен будущий муж, вписанный наряду с ребенком в графу «проживающие лица», Анна лишь загадочно высказалась «муж на сутках», как будто все объясняя, ничего не объяснив, и все малодушно этим удовлетворились. Проверили только, не узбекское ли, к примеру, вписано ФИО, но нет, вполне славянское, Такой-то Алексей Такойтович, но на том этапе, кажется, снесли бы и неславянское. Главным же итогом этого бесконечного вечера, помимо снятой квартиры и полученных денег, итогом, так сказать, эмоциональным, явились робкая надежда наймодателя и его скво на то, что раз Анна такая дотошная, как вошь портошная, и такая въедливая и педантичная, то, может, это и хорошо, иметь подобного человека квартиросъемщиком, может, она благодаря этим качествам будет аккуратно проживать и вовремя вносить квартплату и оплачивать счета, и неробкая и все более набирающая обороты уверенность Анны – а вот шиш-то вам! Точнее не совсем так.

> «Евгений, здравствуйте, я опять задержала и опять извиняюсь, очень (завтра закрою ноябрь и планирую – часть декабря), $ – Вам, жене или Вы заедете вечером??? И, пожалуйста, скиньте мне договор, СПАСИБО».

> «Евгений, здравствуйте, у меня не получилось получить $ с алиментов, потому что паспорт на оформлении прописки ребенку, но $ поступили на счет – мне приставы отзвонились. Сегодня звонила в паспортный стол – сказали завтра-послезавтра. Я сразу закрою и декабрь. Извините, опять. И куда переводить – уже можно Вам на карту? Если нужно перезвонить Вам, то чуть позже, когда мелкий заснет. Спасибо».

Тема денег – это вообще скользкая тема, и еще более скользкая тема неравенства и несправедливости. А что может быть более несправедливым, чем наличие у одних людей стольких квартир, что одна даже лишняя, и отсутствие у других квартиры жизненно необходимой. Причем надо еще учитывать специфику, место действия, город Петербург, а это не какая-нибудь там Москва, где даже коренной житель способен вдруг внезапно подхватиться взять ипотеку, если ему негде жить. В Питере ипотеку берут только презираемые иногородние понаехавшие, оборотистые провинциалы, все эти страшные кварталы Кудрово или Парнас, набитые урожденными барнаульцами и прочим городом Нижний Новгород. У каждого же коренного петербуржца (а тут действовали все коренные потомственные петербуржцы, кроме проживающего лица мужа Такого-то, но и он получил все эти негласные права, законно женившись на Анне) всегда имеются родственники с квартирами, обычно бабушки, и не надо никуда бежать ни за какой ипотекой, а надо просто дождаться, пока бабушка освободит собой квартиру, дождаться молча и без нетерпения, как подобает интеллигентному человеку, сколько бы лет на это ни ушло. Хоть бы и вся жизнь. И вот тут на сцену и выходит Несправедливость, жонглируя паспортами. Потому что все видели паспорта всех, видели эти практически идентичные даты рождения, и вот почему при этом у них есть, а у нас нету. У Анны, например, было две бабушки, это не считая мамы, но квартиру она была вынуждена снимать. А это значит каждый божий месяц отдавать каким-то людям свои собственные деньги, совершенно не даром доста-

ющиеся. И если б еще хотя бы это были приятные люди! Приятные, совестливые люди, понимающие, насколько каждый раз Анне не хочется давать им денег, осознающие, насколько вообще эта ситуация в корне несправедлива, и хотя бы благодарные ей за это ежемесячное неимоверное усилие. Но не тут-то было, благодарности никакой не было и в помине, а арендную плату они получали и вовсе как нечто само собой разумеющееся. Чисто формальные «спасибо, получил» в эсэмэсках не в счет. И если в самый первый раз Анна еще была вполне на позитиве, хотя уже выяснилась и входная дверь и розетка, то потом, после истории с четырьмястами двадцатью рублями за поролон и смертельной обидой мужа, уже буквально весь ее организм, все нутро противилось отдаче им чего бы то ни было. И с каждым месяцем все более. И ее длинные, как осенняя тьма, простыни эсэмэсок, которые она посылала наймодателю, просрочив очередной платеж, и которые наймодатель, получив, сначала скроллил, прикидывая длину, потом прочитывал по диагонали, ухватывая общий сюжет (по какой именно захватывающей причине Анна на этот раз не даст ему пока денег), и уже потом вечером читал подробно со своей противной женой, чуть ли не запасясь пивом и попкорном, веселясь и отпуская едкие комментарии – это же на самом деле все были сигналы о помощи. Этими простынями терпящая бедствие Анна размахивала со своего берега, привлекая внимание, и значили они – пойми меня, заметь меня, углубись в меня, признай мои интересы важней своих! Вполне человеческое желание, по крайней мере ведь и нечеловеческого в нем же тоже ничего нет. И, собственно, именно с такой настоятельной просьбой Анна обращалась и вообще ко всем встреченным в жизни людям, обращалась к каждому, не разбирая. И кто бы ее мог осудить за это, и разве и всем не свойственно в той или иной форме именно это желание. Люди мира, на минуту встаньте, как говорится, встаньте и признайтесь, что вы все (мы все) хотим именно этого. Но с нюансами. Нюанс Анны заключался в том, что она выставляла напоказ это желание, которое обычно все же принято стыдливо скрывать, а она ничего не скрывала, все вытаскивая и вытаскивая, так сказать, простыни из своего приданого, и вывешивая их храбро на перекрестке навстречу всем ветрам:

> «Евгений, добрый вечер! Весь день уроки вела + опять зубы пошли, вот пишу Вам только. Муж заболел + попал под сокращение (их всех как класс сократили) – но организация большая, государственная, так что все положенное за 2 месяца и отпускные выплатят, в конце месяца,, прошу у вас 3 дня до конца недели для принятия решения по нашему сотрудничеству (нужно еще с родными посоветоваться,,,), учитывая, что Вы не были против, что залоговые $ пойдут за последний месяц, съем квартиры по 18 апреля мы оплатим в любом случае +в конце следующей недели (10 000 уже перечислила во вторник), через 3 дня как раз 18 марта – получится, что я Вас предупрежу за месяц ровно. Извините, пишу сумбурно – очень устала сегодня. Но общий смысл, наверное, понятен. На самом деле, думаю, что все разрешится благополучно, и мы сможем продолжить сотрудничество (ну, выйду, в конце концов, на работу сама). Спасибо за терпение и понимание».

На каком-то этапе этого содержательного общения Анна оказалась беременной, потом в больнице

> («Евгений, нас ночью в больницу увезли (температура не спадала), так что я не на работе – часа через 2 будет ясно отпустят нас домой или что дальше, я Вам сразу наберу». «Евгений, мы до вечера точно в больнице, $ я Вам перевела, пришли? Муж, как проснется, пришлет квитанцию (у него тоже температура ночью была)… а оригиналы – может, завтра или вечером, как нас отпустят»),

а потом и вовсе пропала, а тем временем наймодателю звонил председатель ТСЖ с угрозой подать в суд за уже полгода неоплачиваемые квитанции, и наймодатель уже всерьез задумался, как быть, квартиросъемщик не платит по счетам и не выходит на связь, ломать дверь? Вызывать милицию? Может быть, ее уже давно убил проживающее лицо муж Такой-то, и сквозняк от входной двери шевелит мертвые волосы? Но тут Анна все же вынырнула из глубин, где-то в Псковской области:

> «Евгений, я под Псковом – разговаривать дорого. Я Вам писала, что мне в прошлом месяце сильно задержали Зп (поэтому и Вам так длинно платила) и далее я Вам писала, что к 15 июня мы с мужем решим, сможем ли снимать дальше, но квитанции в любом случае оплатим, пожалуйста, не переживайте. Я понимаю, что Вас не сильно интересует, что у нас на фирме такие трудности с выплатами, но я Вам обещаю, что с долгом по квартплате я Вас не оставлю – в конце концов, мы подписывали с Вами договор, где все указано. Я вернусь в город 20-го числа, завтра-послезавтра выяснится с Зп (у нас 50 преподов и всем не выплатили за 3 месяца), если Вы настаиваете, чтобы я Вам позвонила – я завтра попрошу мужа включить мне роуминг из СПб».

А почему не может перевести деньги ваш муж, ну или хотя бы позвонить, хотя бы в Питере ответить на звонок, вопрошал растерянный наймодатель в черноземные ягодные просторы Псковской области, и сначала из густого малинника привычно махнули иероглифом «на сутках», но тут уже наймодатель, которого, видимо, разбередили неоплаченные счета, поставил вопрос ребром, мол, когда-то он же вернется с суток, и вот тут-то внезапно и был обнародован факт мужниной обиды. Что когда-то, конечно, муж вернется с суток, но и тогда он не станет с вами разговаривать! Потому что он принципиально не будет с вами разговаривать, никогда, потому что он очень обижен на вас за то, что тогда, в ноябре прошлого года, он оббил дверь поролоном и попросил за поролон точную сумму по чеку четыреста двадцать рублей, а вы даже спасибо не сказали, а наоборот, сделали такое лицо. Какое лицо, недоумевал ошалевший наймодатель в малинник, какой ноябрь, какой поролон, какое лицо?! Ведь его же тогда там даже НЕ БЫЛО, вашего мужа, при чем тут мое лицо?! Что вообще происходит? А ну и что, победоносно вынырнула Анна из малинника в ту же секунду, а не через двое суток, как обычно, а ну и что, я же ему все подробно РАССКАЗАЛА!! И все это, вся эта перепись населения, напомним, в эсэмэсках.

И тут-то бы, по всем законам божеским и человеческим, этой истории и закончиться бы вполне логичным и единственно возможным образом, а именно разрывом контракта и изгнанием Анны, удалившейся бы гордо, несломленно, со скандалом, волоча за собой оторванный поролон и невидимку мужа, но нет. Почему-то нет. Почему-то все стало развиваться совсем иначе: Анне был дан последний срок в две недели, и за эти две недели она вернулась из Псковской области, оплатила всю кипу квитанций и заплатила за проживание. И осталась проживать. Причем проживать все в той же искрометной манере, с долгами и простынями текста, стремясь, наверное, как-то связать все эти простыни и спуститься по ним к сердцу наймодателя из своей невыносимой ситуации. Сделав ситуацию невыносимой и для наймодателя тоже. Но тот держался стойко. Не совсем ясно, что же им двигало: кризис на рынке аренды, когда предложение начало превышать спрос и стало уже гораздо сложнее с поиском квартирантов? Или жалость к Анне, которая к тому же недавно родила, и нежелание лишать ее крыши над головой? Или просто сила инерции и вечная питерская интеллигентская мягкотелость. А может быть, как начинала подозревать Анна в свои самые горькие, самые черные вечера, может быть, наоборот, не инерция и никакая не жалость, а дьявольская проницательность и желание вдоволь поиздеваться? А черные вечера случались у Анны все чаще. В эти черные вечера Анна оставалась дома одна, а муж Такой-то уходил кататься на машине или на мотоцикле с боль-

шой скоростью. Его гнала обида. Прошел ровно год после эпохального случая с поролоном, но обида так никуда и не делась, более того – продолжала расти. Анна никогда не питала иллюзий относительно этого своего мужа (и того тоже, но сейчас речь про этого), точней, этих иллюзий она, разумеется, питала множество и самых различных, но одно она всегда способна была разглядеть ясно и трезво – что ее муж хороший человек, добрый человек, человек обаятельный, но, что называется, простой. Простой и пустой. Иногда, в начале их знакомства, когда он катал ее на мотоцикле, в момент резкого поворота она даже слышала свист ветра в его голове, стремительно влетающего в одно ухо и тут же вылетающего из другого, не встретив в голове ни единого препятствия. Потом, кстати, это прошло, потому что, по совершенно верному расчету Анны, вскоре эта пустота заполнилась любовью к ней, чаровнице. Вот сколько было пустого пространства, ровно столько туда и вместилось любви. А если бы, думала Анна, если бы муж не был изначально так пленительно пуст, если бы он был не пустым, не простым, а так называемым сложным человеком, в которого уже понапихано черт-те чего, разве влезла бы в него еще и любовь? Может, конечно, и влезла бы, но с какими нефотогеничными усилиями пришлось бы ее туда запихивать, сопя от натуги и отдуваясь, засучив рукава и упершись коленом в поясницу. А все эти усилия могут не испортить разве что юную нимфу, а когда тебе хорошо за тридцать и куда ближе к центнеру, чем к половине центнера, уже как никогда начинаешь ценить легкость и полетность, балетность и спонтанность. Что можно, допустим, утром восстать ото сна всей своей весомостью, помассировать варикоз, намазать кремом птоз, припудрить невусы, шмыгнуть куперозом и зевнуть рыбьими челюстями, а потом плюхнуться за монитор и постить вконтактике цитатки вроде: «Верны мужьям шалуньи и насмешницы, а в маске благочестия обычно ходят грешницы». И вот это прекрасное ощущение себя шалуньей и насмешницей обеспечивал Анне именно муж Такой-то, и именно благодаря его наполненной любовью пустоте и было возможно это блаженное кружение. Но что-то вдруг этот вальсок стал у них спотыкаться. И не вдруг, конечно, а как раз после переломного вечера с четырьмястами двадцатью рублями за поролон. Именно о рулон поролона споткнулись тогда вальсирующие, и Анна перестала ощущать на своей куперозной щеке страстное дыхание мужа Такого-то, муж отвернулся и пристально уставился в совершенно другую сторону. В сторону наймодателя смотрел теперь муж Такой-то, смотрел с горькой обидой, минуя взглядом Аннины прелести и убегая этим самым взглядом туда, прочь, за перекресток, за следующий перекресток и далее за самый маленький игрушечный перекресточек на холке закругляющейся земли. А насмотревшись, уходил кататься на мотоцикле на большой скорости. И снова ветер подсвистывал в месте произрастания его ушей, но там уже не было пустоты, но и, о ужас, не было и любви, а одной только черной обидой был теперь наполнен муж Такой-то, и ветер, всхрюкнув в ухе и взбулькнув обидой, пролетал мимо. И если муж надеялся, как надеялась Анна, выдуть из себя обиду посредством больших скоростей, то тщетно. И с каждым месяцем, с каждой следующей необходимостью вносить арендную плату муж только усугублялся. Уже не только безнадежно умолк вальсок, но и треугольник, в один из особо черных вечеров вдруг в панике отчетливо осознанный Анной, дикий треугольник «Муж Такой-то – Анна – Наймодатель» перестал быть треугольником. А просто вектор муж Такой-то – наймодатель, и стремящиеся по этому вектору горькие думы мужа Такого-то. Ну или не думы, а что там бывает у подобных простых, пустых людей – инстинкты? Педагог-психолог, коллега Анны, которой та стыдливо сформулировала свою абсурдную беду, сказала, что у мужа незакрытый гештальт. Но что она еще могла сказать, у вас незакрытый гештальт или у вас травма детства, психологи говорят это всем и никому не говорят ничего иного, выбор невелик. А больше Анна ни одной живой душе не признавалась в своем горе, уж больно это горе было неприличным и глупым. Давай съедем из этой квартиры, каждый месяц умоляла она мужа Такого-то, но тот отказывался наотрез. Нет, говорил он, не съедем. Будем жить дальше. Но в таком исполнении, понятно, это была, как говорится, не жизнь. Хотя Анна, сильная женщина, бодрилась и боролась. Меняла аватарки. Подписалась на

паблик «Психология секса». Репостила оттуда самоидентификационное кокетливое «Ты такая порочная фея, будто в детстве смотрела порно вместо Диснея». Всячески поддерживала мужа Такого-то, когда его уволили с работы, после того как он разбил казенную машину, разъезжая на большой скорости. Родила ребенка. Подала на предыдущего мужа в суд на алименты, чтоб были деньги каждый месяц оплачивать ненавистную квартиру. Поставила на аватарку фото: стройный до пояса голый мужчина в узких джинсах держит в руках цепь, на цепи сидит голая дева с большой грудью, смотрит на застежку джинсов с большим энтузиазмом, не обижаясь на терзающие нежную шею шипы ошейника. Дождалась лайка от двух подружек, старшего сына – китайскоязычного школьника и, уже ближе к вечеру, от мужа Такого-то. А ночью утешала мужа Такого-то, плачущего и растерянного, опять попавшего в аварию на большой скорости и разбившего машину, на этот раз свою, и сама тоже плакала, и муж ее утешал. У нас – просто – еще живы – бабушки, твердила Анна, не сбиваясь с ритма, а муж Такой-то, ухвативши ее за развесистые бедра, привычно подхватывал: Потому что – мы хорошие – люди, а они своих – бабушек – специально – уморили, вот у них – и есть лишняя – квартира! Почему-то именно в этом вопросе, в этом деле мерзавец-наймодатель их невероятно сближал и приближал, а во всех остальных аспектах, дневных, лишь сеял раздор и смуту. Особенно когда начинал свое традиционное ежемесячное нытье, Анна, сегодня вот такое число, а вы должны были заплатить вот этакого.

> «И Вам добрый день. Мы все уже вторую неделю болеем „новым гриппом“, со всеми прелестями и осложнениями – я света не вижу с постоянными ингаляциями и соплеотсосами, но лично Вас это касается только в том, что лишь в понедельник муж сможет доехать до работы – донести обходной лист и получить расчет, и перевести Вам оплату. Спасибо»

Анна каждый раз старалась удержаться и не жаловаться мужу, и, разумеется, чем больше удерживалась, тем с большим пылом и размахом потом жаловалась. Тот выслушивал ее молча, не дрогнув густой бровью, и только сразу убегал голубоглазым взором из-под брови и даже обеих бровей туда, вдаль, за череду перекрестков и чехарду облетевших, замерших в зимнем страхе лысых кленов, туда, где закругляется все наше земное существование. Впрочем, теперь этот потусторонний взгляд за перекрестки был как бы оправдан и осмыслен, поскольку муж, уволенный со второй работы, после первой работы «на сутках» занимался частным извозом, таксовал. Чтобы прокормить семью, Анну и ее многочисленных детей. Таким образом, этот алгоритм был уже выверен и отработан, приближение даты икс, навязчивость наймодателя, Аннины жалобы, убегающий перекрестками взгляд мужа Такого-то и его уход на заработки таксовать. Точнее, уезд, на большой скорости. А Анна оставалась дома, одна с двумя детьми, одним погребенным под обрушившейся пагодой из иероглифов, а вторым молчащим, а иногда верещащим бессловесным полешком. Оставалась с беспокойством за мужа Такого-то и с ненавистью к нему, ошибочно принимаемой ею за ненависть к во всем виноватому наймодателю. Самым ужасным, как мнилось Анне, было то, что наймодатель даже отдаленно не представлял масштаба нанесенных им разрушений и бедствий. Ни отдаленно, ни приближенно. Никак. Что вот он жил, с натугою, но почти регулярно вытрясая из нее бабло, или, как она любила начертать поперек простыни эсэмэсок, $. И при этом, получая и пользуясь этими $, ни на секунду не задумывался об их цене. О принесенных им в жертву человеческих судьбах. Пролетая, как торнадо над побережьем, ведь не будешь же ожидать от торнадо, что оно, пролетев, внезапно спохватится и усядется на пепелище бывшего побережья подсчитывать и рефлексировать объем произведенных непоправимостей. Торнадо, а по-русски смерч. Смерч, смерть. Никогда же смерть не обещала обеспечить фидбэк, или вообще какую-то обратную связь, возможность диалога. Так напоминала себе Анна, ненавидя наймодателя, но желая быть к нему непредвзятой. Неизвестно зачем. При том, что с некоторых пор, неведомый для Анны, возник

и диалог, и фидбэк, и что хотите. Но – в молчании. Так называемый диалог возник однажды утром в субботу, после даты икс, с традиционно выкаченным и неоплаченным счетом и воспоследовавшей простыней про то, как Анна шла в ближайшее отделение Сбербанка и каковые захватывающие приключения ожидали ее на этом непростом пути, что она до этого отделения не дошла, а может быть, наоборот прошла мимо, и как, возможно, она попытается довершить свой путь потом, когда муж вернется с суток. А ясным субботним утром жена наймодателя вдруг подскочила раньше всех, наверное с похмелья, припомнила вчерашнюю Аннину простыню, не поленилась отыскала договор, поинтересовалась Анниной фамилией, нашла Анну ВКонтакте, со всеми ее репостами «психологии секса», аватарками и порочной феей, а главное – не указанной, естественно, в договоре, зато сохраненной виртуально девичьей фамилией, и уже чуть ли не в девять утра выходного дня радостно расталкивала своего мужа наймодателя, крича: «А Анна-то, Анна-то наша оказалась еврей, ты знал?!» – прямо подпрыгивая от возбуждения. Даром что и сама она, и особенно муж ее наймодатель тоже были ощутимо евреи, и вообще весь тот район пленительных перекресточков носил негласное народное название «квартал еврейской бедноты». Нет, не знал, удивлялся наймодатель, моргая и водружая на подпухшее лицо очки, и, даже кофея не попив, шел изучать ВКонтактик, настойчиво влекомый резвой женой. И вот тут-то и случился диалог, когда наймодатель прочитал на Анниной страничке перепост «Сегодня всемирный день контрацепции. Если у вас есть знакомые гондоны, поздравьте их!», и застенчиво признался: «Наверное, это она мне!», и полез в телефон, чтобы уточнить-сличить время и дату последней Анниной простыни и репоста. И – точно, по всем признакам буквально до доли секунды обнаружилось, что это действительно ему, а еще аккурат после простыни обнаружилось сообщение от его приятеля, с веселой картинкой, представляющей фото в магазине расфасованной куриной ноги с ценником «филе иудейки». И это был фидбэк. Потому что теперь за Анной в семействе наймодателя прочно закрепилось прозвище «Филе Иудейки» (вместо прежнего неоригинального Анна-Мозгоклюй). Наверное, Анна была бы довольна, узнай она об этом. Не о филе, а о диалоге. Ведь ее угнетало, что наймодатель упорно видит в ней лишь голый функционал (ежемесячный приноситель $), а ей хотелось, чтобы разглядели ее самое, ее индивидуальность и уникальность, ее сущность хохотуньи и насмешницы, этот внутренний огонь, загнанный Судьбой (тоже той еще хохотуньей) в унылейшую куперозную толстоватую оболочку. Внутренний огонь, который вся окружающая объективная действительность ежедневно, ежеминутно норовила затоптать, закидать квитанциями, полотенцами, младенцами, грязными футболками мужа Такого-то со следами чего-то такого-то на вороте, подозрительно похожего на помаду (а все это уже хорошо известно из эпопеи с предыдущим мужем, вся эта дурная бесконечность и прочий бытовой Гегель), но огонь этот (фонарь удильщика?) все искрил, невзирая на агрессивную заедающую среду, все выкидывал протуберанцы то в виде опять аватарки ВКонтактике, связанной по рукам и ногам Белоснежки в разодранном на пикантных участках тела платьице с заткнутым кляпом-яблоком ртом, то устраивал короткое замыкание в эсэмэс-переписке с наймодателем, когда тот вдруг начинал в ответ на ее простыни вывешивать тоже, может, и не простыни, но как минимум наволочки с вышитой в уголке монограммой, уже не формальные, а вполне человеческие, и даже спрашивал, знает ли Анна анекдот про уточку. И Анна, хотя она прекрасно знала анекдот про уточку (анекдот про уточку моментально гуглится, от этого анекдота пошел широко известный термин «утизм» в русскоязычном Интернете, и кончается анекдот про уточку эпохальной фразой Лебедя: «Так. На хуй», которую Анна тоже знала и не могла не знать, как педагог и юзернейм), Анна на вопрос наймодателя кокетливо отвечала «Нет, не знаю. Расскажете?))», и таким образом переводила их отношения из сугубо товарно-денежных и формальных в неформально-человеческие. (Ну, она таки перетянула тебя играть на своем поле, как меланхолически заметила жена наймодателя, которой наймодатель отдавал на визирование все свои эсэмэски Анне перед отправкой.) И далее. Это была снова суббота, в которую субботу наймодатель и

Анна сговорились встретиться подписать договор снова на следующий год. Там, где удобно Анне, гуляющей с новорожденной. Анне оказалось удобно в близлежащем парке «Сосновка». И они встретились, и там среди двух, так сказать, сосен и подписали договор. В новом договоре имелись ровно те же пункты, что и в предыдущем, которые Анна тут же принялась с той же энергией не исполнять. И не исполняла вплоть до июня восемнадцатого года включительно, с различными вариациями и обертонами.

> «Евгений, здравствуйте! На сегодня денег пока, к сожалению, нет – нужно еще пару дней для решения вопроса. Спасибо. И еще – на кухне сегодня лопнул сифон под раковиной, потекло, мы заменили, высылаю фото нового / старого и чек».
>
> «Кстати, раз уж заговорили, за спрос, как говорят, денег не берут: а у Вас случайно, вдруг, мало ли, нет возможности хоть как-то скинуть арендную плату? (а вдруг))».
>
> «Давайте ближе к понедельнику: младший сегодня проснулся со штукатуркой в глазу (переворачиваться научился, где-то цепанул(((() – пришлось ехать в педиатрический, вытаскивать, естественно, все за $$, так что, может, и хорошо, что задержались, но точно, плохо, что инородное тело в глазу, в общем, к понедельнику ближе, пожалуйста».
>
> «Евгений, здравствуйте! Сегодня никак не получается: старший звонил со школы – горло болит, муж едет с суток – тоже, говорит, плохо себя чувствует, буду на них сейчас смотреть, как прибудут, может быть, завтра, если никто не разболеется. В любом случае если что-то и изменится в вашей квартире, то только в лучшую сторону (что-то отремонтируем) По поводу $ за февраль: соцзащита сказала ждать – задержки из-за праздников, но я и мы изыскиваем другой способ оплаты, так что в ближайшие дни все оплачу Вам, квитки постараюсь сегодня в ящике посмотреть. Спасибо».
>
> «Доброе утро, сегодня должны получить зп на работе у мужа, сразу $ переведу».
>
> «Да, извините, $ не пришли перед праздниками, но завтра точно будут, и скорее всего уже и карта будет, чтобы вам не ездить».
>
> «Муж приехал, с $, но заболевший, переведу завтра около 9 утра, когда пойду старшего провожать в шк».

А дальше было вот что: все то же самое. Немножко они поговорили про сифон, мол, а дайте денег за сифон, хотя я, конечно, не настаиваю, но вы дайте, но не буду настаивать, а потом Анна не смогла перевести арендную плату, оттого что старший сын сломал ногу. «Так! – резюмировала циничная жена наймодателя. – Уже было же. Анна наша пошла по второму кругу». А потом Анну бросил муж Такой-то:

> «50 000 будут переведены до этих выходных, ку – на следующей неделе (посчитайте, пожалуйста). И, извините, но мне разговаривать сейчас некогда: дома только старший с переломанной ногой, мелкого не выписывают из-за плохих анализов, еще и муж ушел на прошлой неделе (это я объясняю, почему говорить некогда, всего лишь)».

И вот тут-то, на втором кругу, уже по абсолютно всем законам божеским и человеческим этой истории пришел логичный черед закончиться, и Анне удалиться гордо и несломленно, с двумя детьми и чеком за сифон, и легендой, что в ту квартиру все-таки ступала бывшая нога мужа, но снова нет! Но, как вновь высказалась циничная жена наймодателя, главное, чтоб она там не совершила от горя ритуальное самоубийство себя и малолетних детей. После ритуаль-

ного самоубийства вообще же будет никому не сдать. Но – обошлось, и Анна во всех смыслах осталась. Поэтому снова дадим ей слово.

> «Будет, только что получила долги по Зп со своей работы – сейчас закончу вопрос и отправлю Вам $».
>
> «Здравствуйте! Заснула в гостях у коллеги (нужно было поплакаться). Ждите до 13.00 пожалуйста – сейчас в себя приду и дойду до банка. Извините»
>
> «Далее последует фото, чтобы вы не сомневались в наличии необходимой суммы у меня» (последовало фото).
>
> «Одеваюсь, выхожу, еду с парнаса (потеряла счет времени ((».
>
> «Номер карты, пожалуйста, Не могу найти стою у банкомата».

И тут внезапно произошло удивительное. Не то удивительное, что Анна на нервной почве переспала с коллегой, это-то понятно и может случиться с каждым (кроме фрилансера). А то, что Анна действительно перевела $ наймодателю. Всю сумму. Каковую сумму наймодатель с женой оба друг другу проспорили (она ставила на то, что Анну ограбят, пока она стоит у банкомата, а он – что Анна потеряет деньги). И, неловко об этом говорить, но Анна опять осталась жить. Уже официально без мужа, хотя почему-то взяв ВКонтактике его фамилию. Постя цитатки уже не из «Психологии секса», а из «Интеллектуального юмора», но и юмор тот, несмотря на интеллектуальность, был все о том же, все о тех же, о мужчине и женщине, как им непросто, и трудности перевода, и хочется уже навеки пасть друг другу на грудь, и запахнуться коконом щемящей нежности, но вечно «Мужики!!! Пускай бабы на вас орут. Непрооратая баба склонна к депрессии. Зашел домой, видишь, твоя сидит молчком, не поленись, высморкайся в занавеску». Таким образом, тема явно не отпускала Анну, и Анна тоже не собиралась отпускать тему, и наличие или отсутствие мужа не играло решающей роли. Все равно все песни были только о любви. Любовь накрепко застряла в Анне, как та штукатурка в глазу. И с наймодателем она бы тоже хотела говорить о любви, об отношениях, о том, что она не даст денег вовремя, потому что муж снова ушел, а до этого пришел, но простуженный, и обещал дать денег, но не дал, а есть попросил, но ведь ждать вкусного ужина может лишь тот мужчина, который купил для его приготовления продукты, а раздевать женщину может лишь тот мужчина, который ее одевает, и жена не мама и пора взрослеть… Но зануда наймодатель не хотел говорить об этом, его интересовали только деньги, он все говорил «Анна, пожалуйста без подробностей!», и в конце концов они даже поссорились. Правда, тоже с подробностями.

> «А про хамство – ситуации в жизни бывают разные,, И хорошее тоже быстро забывается… И я не из тех людей, которые обожают устраивать разбор полетов, но Вам лампа на кухне на голову не падала)) Единственное, что жалею, что не послушала бывшего мужа и не вызвала аварийку и не позвонила Вам в 2 часа ночи, когда проводка в маленькой комнате задымилась… Ладно, все это лирика, единственное чего не купить, это здоровья До 10 мая оплачу переводом на карту Хорошего дня)».

После этого Анну окончательно решили изгнать. Причем в жесткой форме, не давая ей слова. Но Анна растопырилась в дверях и не изгналась, изгоняться, видимо, и не собираясь, но все же на всякий случай решив напоследок взять по максимуму недаваемое слово:

> «Здравствуйте! Я завтра утром отправляю старшего в лагерь и дальше у меня должно все решиться: я пока не понимаю, куда ехать – на дачу или на другую квартиру, и перевезти пока никто не может… Если мне понадобится остаться до 14(как вы тут недавно предлагали), при оплате месяца и последующим возвратом залога, это еще возможно?».

«Я задерживала, но не платила. Я вам 8го предложила в течение суток перевести оплату за ку (см смс), потом мы с вами ушли не совсем в ту степь и вы предложили, чтобы я ничего не переводила и расторгать отношения – я не против, и не хочу не спорить и навязываться, но такие предложения выдвигаются за месяц (это в договоре прописано, как и то, что вы в праве были гасить долг за ку из залога и я должна была в течение суток восстановить недостающую сумму – что и предложила сделать – но что было дальше, вы и сами знаете)».

«Евгений, здравствуйте! Я сегодня посмотрела 4 кВ в округе – одна меня устроила, но въехать в нее можно только в субботу днем… завтра буду еще смотреть, если будет что-то подходящее, постараюсь съехать в пятницу, переезжать с вещами и разборкой/сборкой мебели (особенно детской) – сначала, например, к бабушке, а потом в намеченную кв – у меня возможности нет…вот как-то так» (этого слова ей уже не давали, сама взяла).

А в субботу (опять), в восемь утра, чтоб наверняка спали и не успели очухаться и перебить, Анна, торопясь, взяла не одно слово, а все, до которых смогла дотянуться:

«Здравствуйте! Не знаю, спите, нет, но сообщаю, как сама узнала – звонила мне агент только что, предупредить, чтобы я не торопилась, потому что хозяйка ей отзвонилась, что у них там что-то случилось и не понятно, будет сделка или нет – сказала, перезвонит часа через два агенту. Я агенту объясняла всю остроту ситуации и сейчас напомнила, на что мне клятвенно пообещали за сутки что-то найти подходящее (якобы даже в ущерб комиссии)… Но я вот сижу, практически на пакетах и думаю: за последние 3 дня я посмотрела почти 20 квартир – столько же раз я таскала коляску с ребенком к лифту и обратно (моя спина посылает меня на,,), у ребенка сбился режим, что намного, по-моему, хуже – вчера вообще второго сна не было, а сегодня проснулся в 6 утра вместо 9-10, как обычно – и все это из-за того, что вам нужно уехать и кого-то сюда вселить, игнорируя то, что я имею право здесь быть до 8го числа и спокойно! переезжать,, Я в растерянности, в расстройстве и зла из-за ребенка».

Наймодатель с женой действительно еще спали и долго не могли встать, так основательно их завалило поверх одеял взятыми Анной словами. Наконец, полежав, как-то откопались и пошли смотреть, как она практически сидит на пакетах. И что там вообще с этой квартирой, во что она ее превратила. Но все было на месте. Играл ветер светлыми занавесками, полоскалась под окнами на перекрестке листва кленов, детей дома не было, посуда на столе была, мужа не было, но темные куртки в количествах висели на вешалке и имелась большая спортивная обувь, но все это вполне могло принадлежать и самой Анне. Анна накрепко стояла в бежевом коридоре рядом с какими-то действительно полутора демонстративными пакетами.

– Я съеду! – сказала она. – Но ребенок, но второй ребенок, но вот чек, а вот сифон, а вот поролон, а вот справка из больницы про штукатурку в глазу, а муж ушел, но не ушел, не дошел, попал в аварию, на мотоцикле вот на этом перекрестке, лежит в коме в больнице, вот справка, вот счета за газ, за свет, за воду, за моральный ущерб, но я не съеду! Мне некуда ехать. Вот вам даже деньги! Но я бы съехала, но я останусь! А вот он замазал окно герметиком, чтоб не дуло, а вот смотрите, на перекрестке до сих пор лежит колесо. Все что осталось. Нет, вы посмотрите, посмотрите, проходите в кухню, посмотрите, можно не разуваться, мне некогда было мыть пол.

Они прошли, не разуваясь, за окном, за перекрестком, за следующим перекрестком, и еще за перекрестком на самом последнем, исчезающем, тающем в сердце лета перекресточке действительно будто бы валялся какой-то микроскопический черный плевочек. Может быть,

и колесо. Но на самом деле непонятно. Некоторое время они все трое напряженно щурились на может быть колесо, потом гуськом, не разуваясь, вернулись в коридор.

– Вот деньги, – напомнила Анна.

– Но впредь оплачивать вовремя, – напомнил наймодатель.

– И пожалуйста, без подробностей! – попросила жена наймодателя.

– Я постараюсь! – пообещала Анна – Спасибо! Извините.

– До свидания! – сказал наймодатель.

– До свидания! – сказала Анна.

– До свидания! – сказала жена наймодателя.

Потом они, взяв деньги и счета, вышли, не разуваясь, и долго шли перекресток за перекрестком в направлении того самого последнего перекресточка, того, где закругляется земля, но она все никак не закруглялась. Кое-где действительно валялось что-то черное, но при ближайшем рассмотрении это невозможно было идентифицировать как колесо.

– Я правильно понимаю, – наконец снова заговорила жена наймодателя. – Что мы с тобою люди, готовые на все ради денег? Ну то есть она дала нам денег, но, кажется, она нас при этом поимела, а мы такие: ок!

– Кажется, да, – кивнул наймодатель. – Но зато она обещала постараться вовремя и без подробностей.

– Соврет же?

– Соврет – изгоним!

И тут наконец земля закруглилась у них под ногами.

Мимо стремительно пролетел на мотоцикле смертельно обиженный пухлогубый муж Алексей Такой-то, и свистящий «дыр-дыр-дыр» двигателя растрепал счета. На балконе второго этажа толстая женщина развешивала простыни. Пойми меня, заметь меня, углубись в меня. Люди мира, на минуту встаньте. А теперь на минуту сядьте, сядьте и послушайте, теперь мы дадим слово Анне. Вот от нее снова что-то пришло, какое-то слово, читай это слово вслух.

Живое пиво
(городской романс)

Поздним утром (лучи солнца наотмашь хлестали в окно) в одной семье все проснулись поочередно и решили пойти купить старшему мальчику велосипед. Давно хотели купить старшему мальчику велосипед, а тут с утра наступил выходной, хорошая погода (свидетельством чему – лучи солнца, которые наотмашь хлещут в окно), и почему бы поэтому и не пойти купить велосипед. Собрались, пошли, выбрали, купили велосипед (старшему мальчику) и вернулись домой. Довольные. Да, еще зашли в магазин с продуктами (а старший мальчик на улице стерег свой велосипед) и купили там продуктов, в этом магазине. В том числе купили к обеду курицу на всех. А на сдачу отец их купил живого пива, шесть процентов алкоголя. А потом вернулись домой довольные, и пока то-се, руки там помыть и прочее, их отец семейства быстро напился этого живого пива (шесть процентов алкоголя) и эту курицу на всех один и съел. Семейство смотрит на него, глаза большие, голодные, тонущие в слезах, многократные, и спрашивает: Отец, отец, как же так? Как же ты съел нашу курицу?… А отец расхохотался и кричит: «Ха-ха-ха! Что курица, я жизнь вашу, жизнь вашу съел!» И взял все семейство разом и проглотил (и лучи солнца, до тех пор исправно хлеставшие наотмашь в окно, померкли для них). Сидит семейство у отца в животе, темно, и только курица без костей и живое пиво с ними разговаривают.

– Плохо-плохо мне без костей! – жалуется курица. – Мне мертво! Темно!

– Ну, не знаю, – отвечает живое пиво. – А я живое, мне везде светло и хорошо.

А семейство сидит, молчит, не знает, что бы такое сказать. Пиво живое наконец их пожалело и говорит их отцу, как заправский психоаналитик:

– Николай, загляни в себя!

Тот заглянул.

– Что ты видишь? – спрашивает живое пиво.

– Живое пиво! – отвечает отец Николай.

– А еще?

– А еще вижу свое семейство, чью жизнь я съел.

– А зачем, Николай, ты это сделал?

– А за тем, что не ты ли, живое пиво, мне подсказало, что иначе бы все вечером пошли гулять и мальчика старшего на новом велосипеде сбила бы машина.

А так, конечно, никто никуда не пошел, все обошлось, и семья в итоге выжила, и мальчик не остался инвалидом, и даже велосипед не пострадал. Но никто за это не сказал живому пиву спасибо, ни отцу. Не оценили, восприняли как должное. Так что будь ты хоть десять раз живой, это бесполезно, это семья, разве здесь от некоторых людей дождешься благодарности. Только лучи солнца будут хлестать в окно, только живое пиво поговорит с тобой по-человечески. Это семья.

А мы еще чего-то хотим от людей
(городской романс)

Из окна дома видна крыша какой-то служебной постройки, служебного здания во дворе, плоская такая черная крыша. И на ней рядком сидят голуби. И крайний в ряду голубь, видимо, болен, или еще по какой-то причине лишен сил, и к нему подходит ворона бочком, но развязно, и начинает его спокойно долбить клювом по башке. Т. е. убивать, добивать. И оттаскивать в сторону. А все остальные голуби, весь ряд, они как сидели, так и сидят, и никак не реагируют, и никто и не почесался вступиться.

Даже голубь, бессмысленная и лишенная морали и совести тварь, и та плевать хотела на своего товарища!

А мы еще чего-то хотим от людей.

Попробуйте печеночный тортик

Набережная, архитектура. Питер, весна, т. е. – ветер, дождь (временами со снегом). Подъезжает лимузин на 20 человек, черный и катафалкообразный, за ним подъезжает специальная машина фотографа. Вываливается фотограф (полоумный), из лимузина вываливаются по очереди гости (тем, кто сидел у двери, еще ничего, а сидящие возле водителя вынуждены, чтобы вывалиться, предварительно ползти несколько метров по салону, согнувшись буквой «гэ», лимузин во всей красе). В заключение вываливаются невеста в платье с голой спиной и жених в свитере и куртке.

Мама невесты бегает за невестой по всей набережной и кричит:

– Одень дубленку! Одень дубленку сверху!

Невеста отказывается, ей тепло, ей пока тепло. Плюс она, видимо, уже слегка надувшись шампанским.

– А этот в куртке! Сними куртку сейчас же, мерзавец! – начинает тогда гоняться мама невесты вместе с мамой жениха уже за женихом. – Сними ее и одень ее на нее! Сам в куртке, а она голая.

Жених, неуверенно глазея по сторонам, тянет куртку вниз, снимая. Невеста энергично тянет куртку обратно вверх, надевая. Из-за этой возни жених застревает локтями в куртке и временно лишается возможности двигать руками. Но руки ему нужны, т. к. помощник фотографа (еще и помощник есть, такой же!) уже, в свою очередь, закончил путаться локтями в какой-то коробке и достает оттуда двух белых голубков. Сейчас что хотите можно за деньги, только плати. Голубки нахохливаются под снегом, ветром и дождем. Гости тоже бродят по набережной нахохлившись, но бодрясь и не показывая виду. Зонта ни у кого нет.

Дочку невесты от первого брака заперли в машине, оттуда идет вой. Приходится высадить.

– Одень дубленку! – бегает за ней мама невесты – Одень сейчас же дубленку!

Задумка такая: жених с невестой стоят у кромки воды, на фоне великой архитектуры, и целуются. У каждого в руке по белому голубку. Руки соединены, и голубки тоже целуются, гули. Гули-гули.

Жених, целуясь, смотрит не на невесту, а в камеру.

– Ах ты мерзавец! – кричит мама жениха – Ты глянь, куда он смотрит! Не на нее, а в камеру. А ну-ка смотри на нее!

Опять целуются, опять не на нее.

– Уберите гулю! – ругается невеста. – Или давайте быстрее, у меня гуля улетает. Давайте уже быстрее!

Опять целуются. У фотографа что-то там не влезло. Он вообще какой-то дикий, на лестнице во Дворце всех два часа продержал, «мужчина, вы не влезаете», «женщина, вы вылезаете», мальчика отодвиньте, а девочку поднимите. Дурак, даже другие свадьбы оборачивались.

Целуются.

– А если она нагадит? – беспокоится кто-то из гостей.

– Давайте быстрее! – кричит невеста – У меня гуля улетает!

– Опять он в камеру смотрит, а не на нее, вот негодяй!

Дочку невесты, мокрую и замерзшую, засовывают обратно в лимузин. Мама невесты вздыхает облегченно, наполовину.

– Сними куртку! – кричит она. – Сними и надень ее на нее! Она же голая! Оно же не греет ни фига!

Невеста действительно уже вся пятнистая от холода, как леопард под голым платьем, пятно синее – пятно автозагорелое. Сходятся на газовом шарфике.

– Давайте быстрее! – кричит невеста. – У меня гуля улетает!

– Смотри на нее! На нее смотри, а не в камеру!

– А если она нагадит… – беспокоится жених.

Целуются.

Оказывается, есть еще гули, 4 шт., кто хочет, может их взять и сфотографироваться вместе с женихом и невестой. Никто не хочет. А если они нагадят? Приходится брать гулей родителям невесты и жениха.

Целуются.

– Все! – кричит жених – Нагадила!

Стоп, снято!

Теперь отпускаем все своих гулей в небо. Все, шикарный кадр.

Шикарный кадр, у жениха даже нет платка, нечем вытереться. Смысл куртки, если там даже платка в кармане нет. В лимузине вроде есть салфетки, рядом со стойкой для шампанского. Все, поехали.

А гули вернутся? Они же улетели. Наверное, вернутся, наверное, они дрессированные. Или совсем улетели, но это же дорого, наверное. Каждый раз ловить и отпускать. Короче, неизвестно. Улетели.

Едем дальше. Три часа ехали от Дворца до ихней Пролетарской, три часа! На метро было бы ровно в три с половиной раза быстрее. Все в трансе, все пьют это шампанское. Туалета нет, умные сходили еще во Дворце. Кто поумней – сходили два раза.

За окном ничего не видно, стекла то ли тонированные, то ли чего. То ли немытые. Нет, видно, вроде Петроградка.

– Через Петроградку едем!

Сзади спрашивают, почему через Петроградку. Почему надо из центра на Пролетарскую ехать через Петроградку, при том, что через нее же ехали к Спасу на Крови. А теперь получается обратно. Вопрос передают по салону невесте с женихом, сидящим впереди. Но ответ назад не приходит – очень, очень длинный салон. Вообще ничего непонятно. Когда приедем, куда. Мама невесты сидит сзади, но она здесь ни при чем. Это их теперь район, эта Пролетарская.

От безнадежности все начинают знакомиться, родственники невесты с родственниками жениха. Что-то мы долго едем, хочется уже на воздух. Но на воздухе холодно и погода кошмар.

– У нас, – говорит одна тетя, – у нас теплее, хоть и снега вот столько лежит. Очень быстро у нас снег выпадает.

У нас это где? У нас в Сургуте, оказывается.

Жених из г. Сургут, они там свое продали и сюда переехали. Он, его мама и брат, у них здесь квартира. Теперь и наша невеста там же. Механик из автосервиса, младше ее. Где-то познакомились. Мама невесты сильно против, она слишком в ту свадьбу вложилась. И мебель, и ремонт. И все. Слишком там старалась, теперь, говорит, без меня. И никаких внуков, хватит мне этой Аспиды. А мама жениха вроде наоборот, вроде довольна. Ни что она его старше ничего не говорит, ни что ребенок. Живут-то с ней. Машину ей сама купила, еще до свадьбы, до всего. Это надо хорошо относиться, чтобы девушке сына купить машину. «Жигули», но все равно. Видно, что довольна. А он автомеханик. Зато не пьет, вообще. Но как-то странно: я, говорит, раньше очень много пил. Потом бросил. Еще в школе. Она, свекровь-то, говорят, специально была вынуждена его сюда привезти. Чтобы оттуда увезти. Он там пил, говорят, гулял, пришлось срочно увозить от дружков его. Но вроде ничего, румянец во всю щеку. И у брата его тоже, и у мамы, и у всех прочих. Родственники со стороны Сургута легко распознаются по этому румянцу (а еще по золотым зубам). Инвестиция, потому что золотой зуб – это та же инвестиция. Они там уважают инвестиции, в Сургуте. Может, они ей и машину купили с той же целью. Сделать инвестицию а) в машину и б) в нее, чтоб прониклась и зауважала.

– Остановите, не могу больше!

Дядя со стороны невесты больше не может.

– Да это последний светофор! – кричит невеста откуда-то спереди. – Последний светофор!

Уже полчаса последний светофор! Забор этот тянется и тянется, ну сколько можно. Еще шампанского? Спасибо, хватит уже. Уже некуда.

– Все, остановите! Я потом пешком дойду.

Дядя со стороны невесты выскакивает и резво идет вдоль бесконечного забора, все остальные мужики тоже выскакивают и идут вслед за ним, на ходу доставая сигареты. В т. ч. и жених, хотя он вроде и не пил шампанского (пил втайне?).

– Оля, а ты куда?

– Куда! Туда же.

– Оля, вернись. Оленька, подожди, последний светофор. Ну куда ты пойдешь, один забор. Оленька, сейчас приедем уже. А они потом догонят, они потом пешком догонят. А ты как пешком-то. Здесь близко уже.

Близко-то близко, но еще полчаса едет. Все, приехали! Все, Оля, нам точно сюда?

– Точно! И мне уже все равно куда…

Здравствуйте, вы свадьба? Мы вас уже давно ждем. Очень долго ехали, пробки. Он же стоял во всех пробках, ему же не проехать. Пробки, да. Проходите наверх. А туалет есть? Все наверху. Как-то странно стол поставили. Где туалет?

Вот, Оля уже оттуда.

– Ох…

Оля улыбается. Оля красивая, но толстая. У нее красивое пальто. Да? Не обратила внимания. Черное какое-то, да? Да, черное. Но со складочками вот здесь, модное. Оле столько же, сколько невесте, тридцатник, но у нее никого нет. Она живет одна, у нее однокомнатная квартира, ей папа построил. Папа в свое время был какая-то шишка. Они с ее мамой развелись давно, но он ее поддерживал. А у нее никого нет, даже и не была замужем. Оля много зарабатывает, по заграницам ездит, мир посмотрела. Мама невесты ей ее ставила в пример, вот, Оля не повесила на себя семью, теперь по заграницам ездит. А ты повесила – и не ездишь. Сейчас опять вешаешь, опять никуда не поедешь. Разве что в г. Сургут на лыжах кататься. Благо у них там быстро снег выпадает.

– Музыку у вас диски с собой у кого-то, а остальное все стоит. Где ж мужчины-то ваши?

– Самое главное – это печеночный торт. Обязательно попробуйте печеночный торт!

– Салаты она сама делала.

– У нас мужчины задерживаются, придут. Они вышли раньше, не выдержали. Очень долго ехали.

Не то слово долго. Уже на самом деле не хочется никаких салатиков, уже просто хочется домой. Отдохнуть после такого праздника.

Надо позвонить жениху! Но если у него выключен, то без толку. Выключен. У всех выключен, все же выключали во время церемонии.

Церемония – это вообще были кошмарики, тетя эта с палочкой, как волшебная палочка у феи. Которой она указывала, куда расписываться. Эти модуляции провинциальной актрисы. Такая казенщина. Как на это можно соглашаться по доброй воле, непонятно. А потом этот фотограф. Это ужас, это просто был ужас какой-то. Два часа на лестнице. Женщину туда, мужчину сюда. И все время шутил! Это вообще знаете мне кого напомнило – тамаду с ее предыдущей свадьбы! Они тогда заказали тамаду, пришла такая тетя в розовом костюме и вот такой розовой шляпе, и началось… Вроде этого фотографа.

Это все вспоминает подружка невесты, которая была и на предыдущей ее свадьбе. Подружке не нравится ни та свадьба, ни эта. Подружка вообще считает, что надо венчаться в церкви, она сильно православная. Невеста, кстати, которая была на собственной подружки-

ной свадьбе, на венчании в церкви, тоже могла бы много чего навспоминать. Как подружке сделали тогда высокую прическу, но почему-то выпустили такие два локона по бокам, и завили плойкой. Выглядело как пейсы, спрашивается, зачем невесте пейсы на венчании? А батюшка вообще забыл слова, чуть ли не по бумажке зачитывал все эти обряды. Чуть не спалил ей всю фату, когда подносил свечку. Все фотографировали, непрерывно, все эти их таинства у аналоя. Кто-то приволок ребенка, лет четырех, и этому ребенку его родители всю дорогу громко шипели в ухо:

– Сколько раз тебе было говорено не ругаться матом в церкви!

Или как эта подружка, она сама потом рассказывала невесте, когда они тогда катались по городу, а гостей отправили самопехом, захотела в туалет, и они заехали к другу ее жениха, а она там не влезла в стандартный узкий сортир со своими стальными обручами, вшитыми в кринолины…

Говно была свадьба, мельком думает невеста, сочувственно глядя на подружку и снова пытаясь дозвониться до жениха. Тот опять недоступен.

А подружка думает, что это у невесты свадьба говно, и та свадьба тоже была говно. И вообще они с этим тоже разведутся, потому что надо венчаться в церкви. Венчание – это на всю жизнь, а иначе так и будет вечное скакание с говна на говно. Со свадьбы на свадьбу. Вот они повенчались – и живут. Это шаг и решение, венчание, а не такая комедия. Где гули гадят в руки. У ее мужа, подружкиного, до нее было две жены, а повенчался он только с ней. И что, где эти жены? А они живут. Строят даже загородный дом в селе, где его брат-художник работает, восстанавливает церковь. Потому что все должно быть с благословления Господа, а эти точно разведутся. Он и младше ее, и внешне симпатичный. А она, прямо скажем, так себе. Вон, у нее уже все морщинки проступают, и вообще контраст, если вспомнить, какая она была на прошлой свадьбе…

– Может, без мужчин за стол сядем? Есть хочется – сил нет!

– А это что?

– А это он и есть – печеночный торт. Это, я так поняла, ее фирменное блюдо, очень вкусный.

Может, стол переставить? Так поставили странно. Чтобы жених с невестой были как-нибудь по центру. Но невеста говорит, что нормально, что они с женихом сядут сюда. Здесь стоит миска с оливье, это специально для жениха поставили оливье, он его обожает. Все садятся, но тут как раз входит жених, а за ним все остальные. Оказывается, они шли пешком, потом подъехали на трамвае, потом опять шли пешком. Вот называется и последний светофор! Если б ехали тогда дальше, точно бы никто не доехал.

– Каравай, каравай же надо откусывать! – кричит мама жениха. Мама невесты демонстративно молчит, это все без нее. Из ее рук на предыдущей свадьбе откусывали каравай, теперь спасибо, без нее. Квартира была его, но она туда и ремонты, и мебель, и всю технику. А потом, когда они развелись и она оттуда съехала, она, мама, пришла свою мебель вывозить, а он еще такой оскорбленный.

– Не подозревал, – говорит, – что вы такие мелочные, Светлана Васильна.

Муж-то этот предыдущий.

Да я, говорит, могла бы – обои со стен вывезла! Я для тебя, что ли, все здесь делала, чтоб ты со своей новой этим пользовался. Я, вообще-то, для своей дочери это делала. А он чуть ли не кричать начал, мол, не имеете права! На нее, правда, особо не покричишь. В общем, некрасиво расходились. А с виду приличный был, поначалу-то. Не мужик, просто не мужик оказался, и все. А така любовь была, така любовь! На руках носил. Этот, кстати, тоже носит, новый-то. На набережной, когда фотографировались, от Спаса на Крови на руках ее нес. И не пьет. Вот только куртка эта его меня убивала, свитер и куртка. Видно, это для него так принципиально, что он костюм не купил. Тогда б и сама не одевалась, и сама бы как-нибудь по-простому. А то

что это – у тебя и платье, и лилии в прическе, и черт-те чего, а он в свитере и куртке. Нет, все, я здесь ни при чем. Хотя, может, и будут жить, но лучше не загадывать (думает мама невесты).

Не будут они жить! И ради платья, подозреваю, все это в основном и затевалось (думает подружка).

Каравай откушен, теперь молодых осыпают розовыми лепестками (лепестки потом заметете). Лепестки всю дорогу таскал с собой в прозрачном полиэтиленовом пакетике брат жениха, пакетик торчал у него из кармана, как в фильме «Сталкер». Теперь наконец избавился.

– Горько!

– Ой, как горько!

Невеста профессионально обнимает жениха за свитер.

– Вот красная рыбка, вот печеночный тортик. Салатики…

Печеночный тортик – это слой печенки, потом слой еще чего-то, и так далее, и все это круглое в форме торта.

– Ну, теперь, когда приехали, – говорит деловая тетя со стороны Сургута, – теперь можно и не шампанского.

– Не, – говорят девочки, – мы шампанское.

– Опять? – удивляется тетя. – А я по коньячку. Поухаживаешь за мной?

Это уже брату жениха, он уже рядом с ней, избавившись от своих лепестковых обязанностей. Коньячку, салатику. Курить уходят вместе, пододвигает ей стул. Она не родная тетя, вот оно что. Жена брата мамы жениха. Может, даже двоюродного.

– Горько! Ох, и горький коньяк…

Встают, невеста отработанным жестом обнимает жениха за свитер.

А почему, кстати, невеста, уже жена. А он – муж.

– Он – уже муж, а ты мне кто? У меня сын ненамного тебя младше…

Брат жениха, видимо, уже не раз это слышал, продолжает увиваться, шептаться, полыхать своим сургутским румянцем во всю щеку. Румянец, кудри русые облаком. Такой юноша голубоватого типа, недаром его тянет к взрослой тете, причем собственной. Они такие, у них все ориентиры смещены. Либо мужик, либо собственная тетя. Лишь бы наперекосяк. Тетя, кстати, коньяк дует только так, как лошадь. Этот только успевает поворачиваться подливать ей в перерывах между куреньями и шептаньями. Привыкли, видимо, там у себя в снегах греться на морозе.

– А салат с грибами вкусный?

– Это что-то необыкновенное…

– А мне вот еще красной рыбки, можно?

Надо же, какой шустрый! Не только эту свою собственную тетю окучивает, еще и здесь норовит. Нет уж, здесь тебе ничего не обломится, обойдешься. Правильно, иди лучше кури с ней.

– А что? И мой кот тоже со мной. Вот такой кот у меня. У меня, между прочим, сын дома ненамного тебя младше.

– Горько!

Встали, целуются, обнимает. Он ее – нет, а она его за свитер. Целуются каждый раз долго, на совесть.

– Вот, – воздвигается над столом очередная златозубая родственница. – Хоть вы и говорили, что с детьми спешить не будете, но судя как вы целуетесь – дети-то скоро появятся!

– А у вас, – это уже тетя напротив, – у вас детишки есть? У меня двое, 9 лет и 14. Дочка младшая. А у вас?

Так мы тебе и сказали, тетя, что у нас и почему. Но с нее как с гуся вода.

– Ну да, сейчас многие не торопятся. А я вот своего рано родила, так что у нас разница в возрасте совсем небольшая. Мы с ним как друзья скорее. Я ему всегда говорю, ты – мой друг.

Ты мужчина, я ему говорю. Во всем с ним советуюсь. Разговариваем с ним. Вообще так интересно разговаривать с ним стало последнее время, такой возраст у него сейчас интересный…

Ну вот, повело на беседы. Очень интересно слушать про его интересный возраст. Ты это своему «коту» расскажи, а то вон он как от огорчения подналег на салат с грибами. Хотя салат с грибами – это действительно что-то потрясающее. И печеночный тортик тоже ничего. Вино ничего, видимо, они из бочек покупали, раз оно сейчас в таких бутылках. Вообще все так вкусно, сил нет! Все оголодали, все так долго ехали, все увлеченно едят и наполняются от этой еды чувством общности и довольства. Уже даже как-то ничего не раздражает, даже вопиющие вещи. Типа когда опять воздвигается тетя из Сургута, уже следующая, и зачитывает «кодекс молодой жены», дескать, мужа надо встречать игривым халатиком и котлетами. И все это в стихах! Но и это не раздражает, даже забавно. А оно длинное у нее, но мы под это дело еще рыбки. И вина. А эта опять по коньячку.

Приходит незнакомый чей-то муж с усами, оказывается мужем чтицы «наставлений молодым».

– А чего тогда сама никогда ничего подобного не делаешь?

Все смеются, дружно, всем смешно.

– Горько! Горь-ко! – тоже дружно.

Встают, обнимает, целуются.

Опять хлопают, тоже дружно. Все сдружились, все друзья навек. Особенно эта тетя из Сургута сдружилась с подружкиным мужем. Уже про свой развод она ему рассказывает, что можно остаться после развода друзьями. И что со свекровью с бывшей тоже можно остаться друзьями, она, мол, никогда не против, чтобы свекровь приходила сидела с внуками. Люди же, мол, по разным причинам перестают жить вместе, когда проходят любовь и влечение… Вот, уже про влечение, разумеется. Кто б сомневался! Правильно, иди вон кури лучше, вон уже твой «кот» копытом землю роет.

Передайте мне, пожалуйста, рыбку!

– Какая, – говорит муж, – Аня мудрая женщина.

Мудрая, ага. Мудрая и с длинными ногами. У него обе предыдущие жены такие были, знакомый типаж.

– Передайте мне, пожалуйста, хрен!

Вот именно, хрен тебе. Обойдешься! По ней видно, что она с кем угодно закрутить может. А тем более этот, его вообще голыми руками бери. Тем более голыми ногами. Уже сколько раз брали. Несмотря на все венчания, никакая это не гарантия.

– Вот я смотрю на вашу семью, и прямо приятно смотреть! Смотрю и радуюсь.

Радуется она, конечно. Конечно, у него квартира здесь, и дом строит за городом. Мудрая женщина из г. Сургут. Нет уж, не рассчитывай.

– Горько!! Го-о-орько!

– Да, как они целуются, так только вроде денег на свадьбу подарить им скопили, а уже по всему судя надо начинать на приданое копить. И на самолет, опять прилетать сюда придется, видать, в скором времени.

Смешно, ах как ему смешно! Пять баллов за шутку.

– В лимузине когда ехали по мосту, вниз, так здорово было! Такой момент, как вот когда самолет взлетает, больше всего люблю этот момент, во всем полете.

Видимо, часто летают. Бабла много, летать-то недешевое удовольствие. На поезде-то дорого, а летать тем более.

– Слушай, мне так Аня понравилась! Такая приятная женщина.

Так, срочно отсюда, пока чего не вышло! Ей же как не фиг, это ясно. Он же наивный, что называется – порядочный человек. Чуть что – и побежал жениться. Это все иллюзии с этим

венчанием, это ничего не значит. Ни-че-го. Срочно его отсюда, только как? Что у них там за вино, что не встать? И опять горько, боже мой, опять кому-то неймется.

– Горько! Горько!

А невеста-то тоже уже хороша! Вон, за свитер-то ему хватается с целью не упасть. Ее всегда чуть ли не оттаскивать приходилось, на прошлой свадьбе тоже за ней мама только и бегала: «невеста, у тебя уже глаза в кучку!» Хорошая пара – тот в завязке со школы и эта алкоголик. Просто прелесть.

Опять горько! Сколько ж можно-то уже, опять надо пить. А у этой с ее коньячком ни в одном глазу. Сейчас еще танцы начнутся, уже дочка невесты по прозвищу Аспида танцует с этой, как ее. С Олей, у которой никого нет. Танцуй, Оля, с чужими детьми, раз у тебя никого нет! А у кого что есть, того мы не отдадим. Хорошо, что она скоро улетает. Главное, чтоб они до отлета не встретились, и тогда, может, обойдется. Зовут всех подряд на свадьбу, надоела уже со своими свадьбами. Даже маме своей надоела, мама вообще изначально была против. Даже приходить не хотела. И ничего, ни копейки не вложила, все сами эти. Не то что в ту свадьбу, а только фрукты купила, и все. Вся извелась, что он в свитере и куртке. И вообще, это явно, что они жить не будут. Так что ты танцуй, невеста, все равно у тебя впереди еще третья свадьба и так далее. А мы своего не отдадим. И вообще, пора заканчивать с этой свадьбой, уже какой-то содом. Несут горячее, но кому оно теперь нужно, все и так достаточно разгорячились. Кого-то рвет в туалете, друга жениха. Тетя упала, поскользнувшись на розовых лепестках, жалко, что не тетя Аня. Зуб-то себе не выбили, свой инвестиционный золотой зуб? А она оказывается не из Сургута, она оказывается из Пскова. Несмотря на зуб. При чем здесь Псков? У них там с мамой жениха оказывается свой бизнес, магазин. Ну да, она тетка активная. Но это все уже не важно, уже не до этого. Уже брат жениха хочет ударить подружкиного мужа по морде, но в итоге не решается и плачет потом у него на плече, куря на улице. Точно с голубизной, румянец-кудри-ресницы. А все туда же. Ничего, она улетит, а его мы не отдадим! Мы его обвенчали, и с концами. Что Бог соединил, того человек да не разлучит! Хрен тебе. А эти вот разойдутся, это понятно. И она старше, и он из Сургута. Это видно без бинокля. К тому же оба алкоголики. Он завязал, но он сорвется, они все срываются. А она вообще, она и так уже на ногах не держится…

Не держащуюся на ногах невесту загружают в машину, жених пригнал заранее еще до всего, туда же загружают и прочих самых стойких, кому в ту же сторону, нестойкие уже, оказывается, давно исчезли в неизвестном направлении. Туда же, куда и гули. Жених трезвый, потому что не пил, папа невесты тоже в завязке. Остальные в разной степени хороши. Подружка невесты тоже хороша, но по крайней мере осознает, что хороша, и способна пусть и не двигаться, но анализировать обстановку. По крайней мере, успевает заметить, когда жених высаживает ее с мужем у метро, что невесте совсем кирдык. Невеста выпадает на воздух и заблевывает крыло машины и детали своего свадебного облачения, все это, разумеется, на глазах у трезвого, что важно, жениха.

«Ага!» – находит в себе силы удовлетворенно подумать подружка, шатко всовываясь в метро. На этом, правда, ее раздумья прерываются, она тоже основательно набравшись, но все-таки не до такой степени, чтобы блевать посреди улицы, это уж извините. Это надо постараться, чтобы до такого дойти.

В общем, все в итоге было понятно, когда время спустя невеста с женихом действительно стали разводиться, понятно, отчего это и что к чему. Что это сразу был кошмар, а не свадьба, о чем гости молчали только из вежливости, что голубок нагадил жениху в руку, а невеста и вовсе облевала все вокруг. И что у него, интересно, была за брачная ночь, с храпящей в непроглядном пьяном сне с ног до головы заблевавшей себя невестой. Все, все у нее было в блевотине, сочувственно объясняла потом подружка невесты. То-то у них была ночь любви! Они из-за этого и развелись в конечном итоге, я думаю, раз у них изначально все пошло вкось. Раз он сразу потерял к ней последние остатки любви и уважения. А кто бы не потерял, спрашивается.

Раз она предстала перед ним в таком неприглядном истинном виде. И ей потом всю совместную жизнь перед ним было наверняка неловко за свое такое поведение, так и не избавилась от этой неловкости. Представляю себе, вот он ее доволок до дома, взвалил на этаж, плюхнул на брачное ложе, и что? Толку от нее в таком состоянии никакого, снял с нее, наверное, платье и дубленку, но без всяких намерений, а чтоб не воняло, бедненький…

Бедненький жених действительно снял тогда со спящей невесты дубленку и платье, а заодно длинные блестящие серьги и газовый шарфик, заботливо укрыл ее одеялом и пошел на кухню налить себе чаю. Очень хотелось чаю, после всех этих салатиков и прочей свадьбы. Потом он вернулся в комнату и стал любоваться своей невестой, прихлебывая чай. Невеста была очень смешная, мятая и в пятнах от растекшейся косметики, и очень красивая. Время от времени она принималась посапывать и всхрапывать, и от этого жених преисполнялся какого-то почти непереносимого умиления. Потом ему тоже захотелось спать, и он улегся рядом, уткнувшись лицом в ее бывшие кудри, слегка пахнущие рвотными массами. «Напилась, девочка моя, – счастливо подумал жених, засыпая. – Совсем плохо было маленькой моей, роднульке…»

А невеста, как это водится у алкоголиков, неожиданно подскочила в шесть утра, обнаружила, что сна у нее ни в одном глазу, обнаружила мирно спящего жениха и свои скомканные грязные одежки у него в ногах, и в характерном для таких пробуждений плывуще-бодром состоянии отправилась в ванную. Оказалось, что абсолютно все – и дубленка, и платье, и газовый шарфик, и длинные блестящие серьги – все было в блевонтине. Даже каким-то образом она попала на бутоны лилий, вплетенные в прическу. Невеста мимоходом удивилась этому, методично работая щеткой и счастливо думая о женихе. «Спит сейчас, – думала невеста, блаженно улыбаясь и обнаруживая в счищаемом фрагменты всего, что было на столе – и печеночного торта, и красной рыбки, и салата с грибами (того, который „что-то потрясающее“). – Устал, бедненький. Эк ведь меня угораздило. Как он меня до дому-то вчера доволок, мой хороший. Мой муж, мой самый любимый…»

А отмыв свой наряд и себя, невеста вернулась к жениху и стала смотреть, как он спит – и так любила его в этот момент, что даже как-то обессилила от этой любви и тоже заснула.

Чтобы утром проснуться и снова быть вместе, всегда-всегда, как и обещали друг другу.

Но подружка невесты, конечно, не знала таких подробностей и все напирала потом, когда они стали разводиться, на эту их несостоявшуюся ночь любви, будучи не в курсе, что ночь любви-то как раз на самом деле состоялась, и еще как.

И что жених с невестой как раз, вспоминая все самое лучшее, что у них было за период совместного житья, неизменно вспоминали и эту свою брачную ночь. И что развелись они совсем от других причин, от того, что стало происходить уже потом, гораздо позже, а никак не от этого.

И уж никак не от того, что, мол, на свадьбе голубок нагадил жениху в руку, и это послужило предопределением.

Эти подружки вообще, как правило, ни черта не понимают в чужих отношениях и только и умеют что завидовать и собирать сплетни. Даже непонятно, зачем их в принципе надо звать на свадьбу, разве что из вежливости. По крайней мере, на свою третью свадьбу невеста пригласила ее уже исключительно из вежливости, они уже совсем почти не общались к этому времени, слишком далеко разбросала жизнь, но все-таки решила пригласить. И потом, показалось как-то глупо – на те две приглашала, а на эту нет, почему бы и нет, в конце концов, на самом-то деле.

Чудотворство
(городской романс)

Про очень странное чудо рассказали мне недавно. Хотя, как известно, вера может двигать горами, но тут были вот именно что не горы.

А была одна женщина, и ей очень хотелось родить дочку. Может, дети-сыновья у нее уже были, а может, и так. Но непременно чтобы дочку. И вот она забеременела, приходит на УЗИ, а ей там и говорят: у вас мальчик! Она на другое УЗИ, и там тоже говорят: у вас мальчик! Она на третье, и та же отчетливая картина. А этой женщине ну так хотелось дочку! Тогда она пошла и стала молиться Матронушке, известной в народе и за его пределами святой, поехала специально в Москву для этого, вот где монастырь и могилка (или мощи), и что-то там сутки или больше отстояла на коленях, глубоко беременная, все прося: мол, святая Матронушка, вот бы у меня оказалась все-таки девочка! Потом вернулась, пришла на следующее плановое УЗИ, и раз – УЗИ показало девочку! И когда про`бил срок, родила именно девочку, дочку. Что называется, вымоленную. И все вокруг восхищались – и женщиной, и Матронушкой, и мощами и мощью, мощью веры, т. е. ее силой, способной творить чудеса и вот так вот действительно двигать и горами и не горами тоже. А я вот все думаю, все представляю, как они стояли Все Трое в головах парящего в эфире ментального тела той женщины в период с двадцать четвертой по тридцать вторую неделю, и Дух Святой поправляет маску и натягивает перчатки, а Матронушка подает ему скальпель и объясняет, что и куда резать или двигать. А вы говорите – законы против гомосексуализма или, допустим, операции по смене пола. Или фото мэра Рейкьявика в платье. Где тот мэр, где те законы. А чудо – вот же оно, есть, украшает очень суровую ткань нашей реальности.

Что-то еще

В гипермаркете «Семья», расположенном на углу улиц такой-то и такой-то, всегда работали кассиры женского пола, т. е. кассирши. А тут вдруг там стали работать две кассирши мужского пола. Т. е. кассиры. Они всегда работали в одну смену, сидя за соседними кассами, и никогда по отдельности. Один из этих кассирш был очень странный, а второй не очень. Он был обычный в отличие от первого. Они оба были молоды, вот, пожалуй, и все, что в них было общего, а все остальное было вполне различным, тем не менее их общность очень ощущалась, просто бросалась в глаза каждому вновь переступившему порог гипермаркета «Семья», это энергетическое облако незримой общности, окутывающее их две кассы. Впрочем, там вообще кассы близко к дверям. Но так как облако было незримым, этот факт, наверное, не принципиален. Они существовали в этом облаке обособленно, автономно от всего остального магазина, от его напряженной товарно-денежной жизни. Они не смотрели друг на друга, даже не поглядывали искоса, не переговаривались, они смотрели только на проходящий через свои руки товар, трогали этот товар, переправляли его мимо умного аппарата, считывающего штрихкод, мимо кассового аппарата, изрыгающего чеки, и переговаривались только с покупателями, спрашивали, нужен ли пакет, озвучивали общую сумму покупки или просили посмотреть три двадцать. Но все это ничего не значило. Значение имела только эта их загадочная общность. Т. е. с формальной точки зрения ничего в ней загадочного не было, ну пидорасы, ну и что. Ну даже пидорасы за кассой, ладно. Ладно, пусть даже пара пидорасов за кассами гипермаркета «Семья», существующая в атмосфере загадочной незримой общности, что дальше. Но в том-то и дело, что настойчиво чувствовалось какое-то дальше, было что-то еще. Что-то еще как будто бы было за этой вполне логичной для кассирши любого пола сосредоточенности на подсчете бумажных купюр и мелочи.

За их вполне логичной для пидорасов внешностью – один странный, мальчик-девочка, с удлиненными волосами и покрытым сплошь зажившими шрамами, щедро замазанными тональником оттенка нежный загар, то ли от фурункулов, то ли от ожогов, лицом, с подведенными бровями, с двумя медальончиками поверх рабочего фартука. А второй обычный, вполне мужественный, вызывающий интерес только в контексте первого. Он иногда чуть-чуть, еле заметно улыбался покупателям. Первый не улыбался никогда. Он никогда не улыбался, исполнял свои рабочие обязанности, поджав губы и опустив глаза, и все вынужденное общение сводил к минимуму и все вынужденные взаимодействия с покупателями осуществлял крайне скупо (если, конечно, возможно применить термин скупо к выдаче фиксированной суммы сдачи, например). Как будто бы он был обречен на эту кассу, или же скорее сам себя обрек на нее, в силу каких-то трагических обстоятельств биографии. Не просто вид попранных жизненных надежд и оскорбленных ожиданий, как это часто случается у кассиров женского пола, нет, тут было что-то еще. Какой-то мрачный отзвук судьбы, рока или фатума (в зависимости от дня недели) будто бы витал над его кассой, опускался, сгущаясь, крылами на его укрытые крыльями форменного фартука плечи. Он был похож на женщину (кроме того, что он вообще был похож на женщину), только что освободившуюся из тюрьмы, точнее из колонии, попавшую туда в силу каких-то драматических событий, приучившуюся там любить других женщин, и теперь с трудом адаптировавшуюся к позабытым (а возможно, изменившимся) условиям вольной жизни. Но, разумеется, никаких женщин там не было и в помине и быть не могло. Как и колонии. Но какой-то подтекст тем не менее вставал за его отстраненно оперирующими продуктами руками, за его желтоватым от нежного загара и инфернального освещения «Семьи» лицом, вставал между ним и торговым залом. И в силовое поле этого неведомого подтекста был каким-то образом включен и его коллега за соседней кассой, мужественный. Они походили на персонажей хорошего европейского фильма, участника (допустим) Каннского кино-

фестиваля, даже, быть может, призера, за своими кассами, на фоне торгового зала и подтекста, просящие посмотреть четыре тридцать. И даже временами казалось, при определенных поворотах и ракурсах, что, быть может, никакие они и не пидорасы, и не этим вызваны этот подтекст, это силовое поле и незримая общность. Ну или, допустим, пидорасы, но это не главное в их отношениях, а было что-то еще. К примеру, возможно, один когда-то тонул, а другой его спасал. Или один вынес другого из горящего дома (оттуда и шрамы от ожогов на лице). Но оба они, и странный первый и мужественный второй, ревностно хранили эту свою тайну и упорно ни словом, ни взглядом не выдавали сути своих взаимоотношений с подтекстом. И только однажды она прорвалась сквозь их молчаливость и обособленность, обрела, так сказать, некоторую предметность и зримость, только однажды. Когда поздно вечером, около одиннадцати, вдруг оказалась работающей всего одна касса, за которой сидел мужественный, и к ней выстроилась огромная очередь людей, спешащих с работы и по пути домой быстренько заскочивших за продуктами в «Семью» и благополучно застрявших, и эта очередь принялась роптать. Усугубляло ситуацию то, что тот второй, странный, находился по обыкновению за соседней кассой, но он сказал (не глядя, глядя мимо и в сторону) «Сюда не занимать!» и начал, так же не поднимая глаз и отстраненно, греметь чем-то в недрах открытого ящика кассы. Очередь к мужественному меж тем удлинялась, ширилась, волновалась из края в край все больше и больше, всем хотелось домой (двенадцатый час), почему-то подтягивались все новые и новые люди с корзинами, неожиданные в столь поздний час, и выстраивались в затылок впередистоящим, волнуясь, поднимаясь на носки и вытягивая шеи, сверля взглядами странного и мужественного, которые, напротив, как всегда, ни на кого не смотрели, и только мужественный, изредка услышав от покупателя доброе слово вроде спасибо или пожалуйста, легонько, чуть заметно, чуть дрогнув щекой, немножко улыбался. Но таких вежливых находилось немного, все больше раздавалось возмущенных голосов, что же это такое, почему работает всего одна касса, стоит их пять, а работает одна, где же все, а вот вы, молодой человек, вы почему не обслуживаете. И странный был наконец вынужден вступить в диалог, в беседу с коллективным собеседником-очередью, и он сначала тихо и вежливо, а потом все громче стал объяснять, по-прежнему ни на кого не глядя, что ему нужно пересчитать все кассы, чтоб отпустить человека домой. Но очередь продолжала роптать, очередь напирала, и какой-то дядя уже решительно выкладывал избранные им продукты из корзины на кассу, прямо под нос странному, так что тот, смотрящий вечно вниз, не мог их не заметить. И странный заговорил уже громче, что он должен посчитать все кассы, чтоб отпустить человека домой, потому что рабочий день окончен, потому что вот вы же уходите с работы домой вовремя, когда кончается рабочий день. И тут он совершил промах, разнервничавшись, он поднял глаза и встретился взглядом с очередью, надеясь, видимо, найти в этом взгляде очереди сочувствие, но очередь его, конечно, не пощадила. Бывает, что и задерживаемся, ответила очередь, задерживаемся, если это нужно, даже очень часто приходится задерживаться, и это безобразие заставлять людей вот так вот стоять в очереди, особенно нажимала одна дама в шляпе. Это безобразие, и вообще, почему здесь только вы, молодые люди. У вас же тут работало столько кассирш, столько женщин. Где ваши женщины (очень актуальный вопрос в контексте подтекста). Где все они? Женщины на учебе, закричал вполголоса странный, и если не в целой половине, то в четверти голоса отчетливо звенела подступающая слеза. А я должен посчитать кассы и отпустить человека с работы, понимаете! А мужественный, как назло, работал нарочито медленно, производя впечатление неопытности в кассовом деле, хотя скорее всего так просто казалось из-за общей напряженности обстановки. Очередь множилась, напирала и роптала, и множил гору продуктов возле кассы суровый, готовый до последнего биться за свои права потребителя дяденька. И странный вынужден был потерпеть поражение, он жестом хватающегося за соломинку утопающего воззвал к охраннику-таджику, чтоб тот привел какую-то Аню, которой хватит уже курить, но сам стал обрабатывать волшебным аппаратом дяденькины покупки. Очередь размножилась деле-

нием, и странному было уже некуда деваться, курящая Аня все не шла, и мужественный все так же орудовал на своей кассе, ни словом, ни взглядом не пытаясь обменяться со странным, никак не демонстрируя своих возможных эмоций от происходящего. Странный тоже не глядел на него, и ни на кого не глядел, даже когда уже следующий дяденька, уже обслуживаемый, продолжил качать права, что же это за безобразие. Даже когда странный сорвался и стал кричать «Да вы соблюдайте субординацию!! Кто вы, а кто я (еще один актуальный вопрос). Я администратор торгового зала!!», даже тут он ни на кого не смотрел, наученный горьким опытом. А мужественный между тем все так же молчал, и даже когда очередь дошла до активной дамы в шляпе, успевшей уже пообщаться со всей остальной очередью, и она, забирая деньги и чек и прислушиваясь к полуистерике странного, лукаво обратилась к мужественному, как бы желая наладить контакт, как бы даже вовлекая его в сообщники, мол, интересно, что ж ему прямо так не терпится человека домой отпустить, этому администратору торгового зала. Мужественный и тут ничего не сказал, и не поднял глаз от кассового аппарата, он только улыбнулся чуть заметнее, чем обычно, и в этой улыбке было все – и ответ на вопрос, почему администратору торгового зала не терпится отпустить человека домой, и картина ужина, который этот человек, придя домой, приготовит администратору торгового зала, и, возможно, совместный просмотр на дивиди какого-нибудь фильма произвольной тематики, и прочие тихие радости, а также объяснение незримой общности, и силового поля, и обреченности на кассу, и заодно трагических обстоятельств биографии, очень многое было в этой улыбке, промелькнувшей будто по взмаху Каннской пальмовой ветви на лице мужественного, и, вероятно, не совсем верно истолкованной женщиной в шляпе, потому что даже очень внимательный наблюдатель, которого в этой очереди в этот поздний час не было, увидел бы в этой улыбке мужественного очень многое, и очень многое в ней понял и расценил бы верно, но в том-то и дело, что в ней было не только это, было в ней и что-то еще.

Электрик Александр
(городской романс)

Он пришел, когда его позвали, чинить выключатель, висящий на изоленте (выключатель), грозящий коротким замыканием, коротышом, пожаром, смертью, высокий, даже длинный, в пузырящихся на коленях и на заду лоснящихся штанах (это уже не выключатель, уже электрик Александр). Пришел, посмотрел на выключатель и надолго замолчал, долго смотрел на него, прозрачным взглядом, молчал, глядел на выключатель, и даже на прямой вопрос так же молчал и смотрел, волосы на затылке были прозрачны, не скрывая плешь, и лоснились штаны на заду, и прозрачен был взгляд, будто он сочиняет стихи. Но тут он ответил на прямой вопрос (что-то про выключатель), и стало понятно, что нет, не сочиняет. И что вообще он хотя бы в уме. Это плохой выключатель, ответил электрик Александр, поэтому он и висит у вас на изоленте. А вы пойдите и купите другой, хороший. Выключатель, правда, висел на изоленте совсем не от того, не оттого, что плохой, а с тех пор как отец семейства, как наш папа, наш папа в тот раз напился живого пива и ударил по нему кулаком, а еще по монитору, по дверце шкафа и по маме, и с тех пор все из вышеперечисленного тоже висит на изоленте либо вовсе пришло в негодность. А до этого было вполне хорошим. Но этого никто почему-то электрику Александру не сказал, а пошли купили другой хороший выключатель. Про него электрик Александр тоже сказал, что он плохой, и стал выдирать из стены и изоленты предыдущий. И вся прихожая была завалена инструментами электрика Александра, и он откуда-то вытаскивал все новые, и зачем-то стал долбить отверстие под новый выключатель, хотя тот, казалось, был совершенно ростом со старый. И сыпался уже кафель в ванной, и сыпался бетон из стены, который электрик Александр старался стыдливо подбирать и особо крупные фрагменты относил и складывал в раковину. А некрупные так и лежали в прихожей, среди инструментов, среди ног электрика Александра, а он все ковырял что-то в стене и говорил про нее, что она тоже плохая, и это длилось, и длилось, и все уже сто раз пожалели, что вызвали его, и сто раз пожалели, что выключатель висел на изоленте, и сто раз пожалели, что папа тогда напился живого пива и разбил полквартиры и целую маму, и после этого то, что осталось от мамы, папу выгнало, и папа ушел, и теперь его здесь нет. А то бы сам починил выключатель. Папа тоже был электрик, и его тоже звали Александр. Так тоже бывает в жизни, еще и не так. А утро тем временем все продолжалось, уже переходя в день, и все продолжалась деятельность электрика Александра во тьме обесточенного коридора, с периодическими выходами на лестницу, никто не мог никуда пойти, ни на работу, ни гулять, все ждали, когда же это окончится, но это не оканчивалось никогда, лишь зияла в сумраке пустота в бетонной стене вместо изъятого плохого выключателя, лишь замедленно, как далекие солнечные отблески по дну водоема, перемещались белые руки электрика Александра, лишь белела плешь сквозь прозрачные, как водоросли, волосы, лишь нежнейшим жемчужным мерцанием лоснились штаны на заду. Лишь плавало вокруг его белых рук с отверткой прозрачное время, которое излечивает любые раны, излечивает постепенно, видимо, именно таким образом – длясь, и длясь, и осыпая вокруг себя бетонные крошки, и жемчужно мерцая штанами, в сумраке, муторно, светясь плешью, задерживая всю планируемую до этого жизнь. Но наконец и это тоже прошло, прошло полдня, и ушел электрик Александр, забрав свои инструменты, оставив несопоставимую с масштабами работ кучу бетонной крошки, оставив новый выключатель, оставив отколотый кафель в ванной, взяв за это шестьсот пятьдесят рублей. И уже к вечеру этого дня выяснилось, что новый выключатель работает плохо, гораздо хуже старого (даже в бытность его повисания на изоленте), что та его половина, которая должна включать свет в ванной, включает его отвратительно, то включает, то не включает, и надо каждый раз надавливать дополнительно на ее верхнюю долю, и ждать, и прилагать усилия. Что каждый раз в результате, пытаясь воспользоваться выключателем, приходится вспоминать электрика

Александра, как он пришел, и длился, и бесконечно плавал во времени, сумраке, бетонных крошках и инструментах, и жалеть о том, зачем его позвали, за чем позвали, жалеть о повисшем на изоленте старом выключателе, жалеть о том, почему старый выключатель повис на изоленте. Жалеть о том, что папа тогда напился живого пива, ударил по выключателю кулаком, по маме, по дверце шкафа, по монитору, вспоминать это все при каждой, каждой попытке воспользоваться выключателем, каждый раз, когда загорается или не загорается свет. Каждый раз вспоминать электрика Александра и сразу же вспоминать папу, электрика Александра, по которому мы скучаем, который хочет к нам вернуться. Каждый раз, прилагая усилия, и ожидая, и надавливая на верхнюю долю – выключатель срабатывает, не срабатывает, я хочу к вам вернуться, свет загорается, не загорается, не загорается, в сумраке коридора, выключатель не срабатывает, срабатывает, я хочу к вам вернуться – каждый, каждый раз.

Чертежи Жерве

1. Илюша

Нет ничего определенного, все зыбко, все дрожит, перетекает, рябит, ныряет в подозрительное марево и выныривает уже своей полной противоположностью. Не за что схватиться, нечем измерить, не от чего отсчитывать. Верстовые столбы, линейки, весы и счеты – все, все врет, подмигивает, подтаивает по краям, не дается в руки. Даже земная ось – и та, подлая, вдруг закручивается спиралью, вывинчивая себя из земли прочь, желая и Илюшу вовлечь в это свое кручение. Откуда бы в таком расползающемся, плывущем и прикидывающемся мире взяться определенности?

– Илюша, пазы продували?

– Не знаю. Может быть…

– Илюша, ты идиот?

– Возможно, в чем-то ты и прав…

Илюше двадцать два года. Он длинен и тощ по всей длине, и там, высоко-высоко наверху смотрит тоскливыми ветхозаветными глазами куда-то вечно мимо и вкривь. Илюша никогда не был с женщиной. И с мужчиной он тоже никогда не был. Да и как можно быть с женщиной, если в любой момент она может оказаться мужчиной? Если нет ничего определенного раз и навсегда? И с мужчиной может сделаться та же история, можно ожидать одного, а получить совсем, совсем иное, когда мир в очередной раз швырнет все и всех на повороте назад, потом вперед, потом еще куда-нибудь сикось-накось, и все смыслы и замыслы опять осядут, как ядовитая стеклянная пыль в цеху, в совсем другом произвольном порядке.

– Илюша, а вот расскажи, ты когда-нибудь бабу за сиськи трогал?

– Трооогал…

– Вот оно что! Лет двадцать назад, да?

– Нет, раньше… Ой, то есть позже!

Со временем у Илюши так же непросто, как и со всем прочим. Время бежит во все стороны сразу, и даже количество собственных лет невозможно запомнить, чуть ли не каждый год эта цифра меняется. А уж тем более количество чужих лет.

– Илюша, а твоя сестра тебя старше?

– Старше… Хотя нет, кажется младше…

Илюша напряженно считает в уме, вперившись в кольца статора, застыв с кувалдой наперевес. Перевес в результате и происходит, и Илюша вываливается с эстакады. Никто не знает, что он имел в виду, придя работать на Завод. Что это явление символизирует.

На любой конкретный вопрос Илюша только улыбается и ни мычит ни телится. Разумеется, в коллективе его опекали. Добрая душа дядя Миша, напившись «елки», смеси спирта с канифолью, даже пытался учить его кун-фу под эстакадой, чтоб Илюша, если что, смог защитить свою честь и достоинство.

– От так, – размахивался дядя Миша ориентировочно в Илюшином направлении, качаясь, как тонкая рябина. – От таак, а потом ооот таак, понял?

Буквально все не бросали Илюшу на произвол, принимая в нем участие и заботясь.

– Илюша, а почему у тебя нет женщины? Может, ты пидорас?

– Не знаю. Может быть, я пока еще не определился…

Коллеги и сослуживцы – и дядя Толя, и Саня Байков, и Краус, и Ваня Мутный, и братья Галеевы, и Паша Говноед, и Миша – не раз (а целых два раза) пытались устроить Илюше случку. Однажды уже все было готово. Снята комната в борделе, пацаны скинулись из своего

кармана, и приведен Илюша, и приятная деловитая средних лет куртизанка уже вознамерилась уверенной профессиональной рукой распахнуть перед Илюшей узорчатые врата разврата – но не тут-то было. Илюша вдруг напрягся, хихикнул, пробубнил неразборчиво:

– Ой, я забыл, на минуточку, я буквально… – и коварно бежал, оставив товарищей поражаться неблагодарности и трусости и самим пользоваться услугами деловитой куртизанки. Все же было оплачено, не пропадать же деньгам. Деньги ведь не падают с неба за просто так. Рабочему человеку деньги достаются по`том и мозолями, ревматизмом и тромбофлебитом, и биллионами мельчайших стеклянных пылинок, ежедневно опускающихся в легкие и мостящих путь туда, за край земли, где она закругляется финальным холмиком. И далее вглубь. Те, кто работает на Заводе, производящем тысячи генераторов к паровым, газовым и гидравлическим турбинам, крупные электрические машины постоянного и переменного тока, низковольтную аппаратуру и еще очень многое, поставляющем свою продукцию мощностью от 0,5 МВт до 1200 МВт в страны Западной и Восточной Европы, Ближнего Востока, государства Юго-Восточной Азии, Южной и Северной Америки и Африки, быстро изымаются из его цехов. Очень быстро. Только что, бывало, ходил Володя, сокрушался, что понабрали молодых долбоёбов, ничего не умеют, не знают, с какой стороны к чертежу подойти, и – раз! – Володя уже не ходит, Володя уже лежит в больнице, говорит с койки, что понабрали молодых долбоёбов, не знают с какой стороны к чертежу подойти, но и это, как выясняется, не навсегда, в ту же секунду Володю перекладывают с койки в землю. И вот это уже оказывается не Володя, а что-то совсем другое, что-то неприятное. Хотя и Володя был не шибко приятный, и вроде бы в этом прослеживается какое-то сходство, но различий все-таки больше, особенно если присмотреться, ах, больше. Илюша присматривается, щурится, там, глубоко, среди колтунов корней лежит что-то такое же неприятное, как Володя, и из левой пятки этого чего-то растет незабудка, а правый висок ест сосредоточенный микроорганизм. Микроорганизму по некоторым признакам вкусно. Что-то по некоторым признакам Володя, а по некоторым – нет, и от этой неясности все опять приходит в движение. Статридцатикилограммовый медный стержень в обмотке, несомый Саней, Краусом, Мишей, Серегой, Пашей Говноедом и Илюшей, только что прямой, принимается завиваться развратным локоном. Медный стержень, что ты вьешься? Под моею головой? Ты добычи не дождешься, медный стержень, я не твой!

– Илюша, сука, ты возьми стержень нормально! Что ты за него двумя пальцами держишься?

Илюша действительно не несет стержень наравне со всеми, не принимает на свои бесконечные руки тяжелый медный вес стержня, а как будто щекочет ему пальчиками брюшко. Когда Илюша кладет стержень в паз, стержень у него ложится мимо паза, а в пазу шиш. Сматывая киперку, Илюша пропарывает ножом обмотку стержня, а это значит – все, прощай, стержень, не лежать тебе плотненько рядком с товарищами, не ловить благодарно магнитное поле от вращающегося ротора, не вырабатывать электрический ток, не подавать энергию на вывода, на подстанцию, на линию электропередач, не зажигать свет в домах, не разговаривать бодрым бархатным радиоголосом, не гнать над землей тяжелые, исполненные новостей и вранья пыльно-искрящиеся облака массовой информации. Напрасно ты появился на свет, стержень, не нести тебе свет лампочек и знания, напрасно тебя создавали в глубинах пятнадцатого цеха. В вечную тьму и безмолвие хочет, видимо, погрузить Илюша мир, чтобы там, застыв двухметровой неумной загогулиной, разинув рот и устремив скорбный с поволокой взор – левую часть взора куда-то внутрь, а правую неотчетливо наружу – стоять так хоть десять минут, хоть полчаса, как часто случается с ним на работе, особенно если накануне была зарплата. И можно хоть плясать перед ним, хоть уплясаться, хоть бригадира ему показывать, хоть неумытую жопу, Илюша и не почешется. А иногда тоже застынет и пробует разные выражения на роже. Вероятно, Илюша с зарплаты покупал неведомо у кого бутират и нахлобучивался им по самые брови (густые, вразлет), и предлагал таким образом коллективу во всех ракурсах изучить особенности пове-

дения организма под веществами. Непонятно, к чему Илюше был еще и бутират. То, ради чего люди уродуются с бутиратом и прочим, Илюше и так в свое время феи положили в колыбель.

– Эльюша – Божий человек… – говорил дядя Толя, когда Илюша в обед бродил под эстакадой и трогательно интересовался, у кого есть с собой что-нибудь вкусное. Увлеченно поедая вкусное, Илюша в очередной раз замирал, но уже с полным ртом и глазами, наконец-то исполненными мысли, невнятно произносил: «Дрим-дрим в подъэстакадье…» – и мысль снова тонула в стекленеющем Илюшином взгляде, и Илюша уже спал, обрушившись носатым лицом во вкусное.

Беспробудность вообще сопутствовала Илюше во всех смыслах и ситуациях, и в ментально-философских и в не очень ментально-философских тоже. Когда Илюшу второй раз повели на случку, все уже было рассчитано до мелочей, учтены все ошибки предыдущего неудачного предприятия. Нашли девицу. Краус и Ваня Мутный, белорусские контрактники (в Белоруссии плохо с работой), рассказали, что в общежитии есть девица, которая дает всем. Дает даже тем, кто не берет. И не в условиях капитализма, как давешняя деловитая куртизанка, а на голом энтузиазме! И с огоньком, с радостью, очень позитивно. Главное только ее напоить. И вот наконец настал день и час. Привели под уздцы Илюшу, привели девицу. Принесли без счету напитков, в том числе и вкусных, Илюше расслабиться для наркоза. Краус и Ваня Мутный, опять же памятуя прошлый опыт, закрыли Илюшу с девицей на ключ и еще на всякий случай остались караулить снаружи, стеречь таинство брачного ложа, чтоб Илюша не сбежал. Но пока девица, радостно высосав бутылку вина, с огоньком раздевалась, Илюша, обычно существующий заторможенно, как водоросль, исхитрился стремительно напиться. И к тому моменту, когда девица распахнула ему свои позитивные объятия, он уже крепко спал, свернувшись клубочком на полу, всхрапывая и пуская из угла рта перепуганную алкогольную слюнку. Краус и Ваня Мутный, вбежав на негодующие девицины вопли, просто не знали, как это называется и что с ним делать. Не бить же его, в самом-то деле, да и что толку. Как-то уж им самим пришлось решать ситуацию с недовольной девицей, а пьяное тело подлеца Илюши, проспавшись, с утра, как ни в чем не бывало поднялось и отправилось на работу. Где, разумеется, уже все знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.